

г-жа Лузина

Джек-потрошитель с Крещатика

Свадьба с призраком

Киевские
ведьмы

Инфернальная
г-жа Лузина

снова порадовала изысканную
публику новой книгой об
ужасах и тайнах города Киева.

**Джек-
потрошитель**

бродит по Крещатику, изны-
вая от животных
страстей. Падшие дамы
трепещут!

**ЗАКАЗЧИКЪ НИЧѢМЪ
НЕ РИСКУЕТЪ,**

НОВОСТЬ!

Тайны подземелий Зеленого
театра исследует путеше-
ственница во времени Мария
Ковалева

Прекрасная
предпринимательница
г-жа Дображанская
пытается разгадать
тайну смерти своих
родителей, оставивших
ее горемычной сиротой
еще в малолетстве.

Брак с призраком! Художник-мистик
г-н Котарбинский, известный своими
работами во Владимирском соборе
и особняках г-д Терещенко и Ханенко,
сочетался браком с привидением

Дамы под вуалью.

Впервые — полная биография художника
от известнейшей мемуаристки
мадам Потаниной.

Лада Лузина
Джек-потрошитель
с Крещатика.
Свадьба с призраком
Серия «Джек-потрошитель
с Крещатика», книга 1
Серия «Ретродетектив»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=44772144
Джек-потрошитель с Крещатика. Свадьба с призраком: Фолио;
Харьков; 2018

Аннотация

Лада Лузина, одна из самых продаваемых писательниц Украины, представляет на суд читателя свой новый роман «Джек-потрошитель с Крещатика» – в традиционном мистическом стиле, где причудливо переплелось киевское время: 80-е годы XIX столетия и день сегодняшний, где ночи полны ужаса, а дни – неожиданных открытий. Писательницей с удивительной точностью передана характерная атмосфера старого Киева – города эстетского, богемного, загадочного, полного тайн. Где

по Крещатику, нагоняя страх, бродит свой Джек-потрошитель в
поисках новых жертв...

Содержание

Начало начал	6
Ангел бездны	13
Глава первая	18
Глава вторая	40
Глава третья	63
Глава четвертая	81
Глава пятая	105
Конец ознакомительного фрагмента.	112

Лада Лузина
Джек-потрошитель
с Крещатика.
Свадьба с призраком

© Л. Лузина, 2018

© Е. Гугалова-Мешкова, художественное оформление,
2018

© Издательство «Фолио», марка серии, 2018

*** * ***

Начало начал

В Лондоне не было тумана. Солнце ласкало камни мостовой и в изобилии лежащие на брусчатке лепешки навоза, стены с содранными афишами, испытые лица мужчин в усыпанных табачными крошками клетчатых жилетах и чахоточные лица женщин в шляпках с увядшими лентами. Лица эмигрантов и шлюх. Пьяниц и отчаявшихся. Брошенных и отверженных.

Уайтчепел был не лучшим местом, чтоб наслаждаться красотами викторианской Англии. Да и сама викторианская Англия была не лучшим местом для наслаждения.

Дорогой четырехколесный кэб подъехал к пристроившемуся неподалеку от Флауэр-и-Дин-стрит кособокому кирпичному домишке с черепичной крышей и чересчур толстой, потемневшей трубой.

Ступенька опустилась, а на ступеньку опустилась нога прибывшего в щегольском ботинке с изящными пуговками. Высокий мужчина в крылатке и цилиндре спрыгнул на грязную, покрытую нечистотами землю, просверлил глазами табличку:

**Мадам Заира, предсказание всей вашей жизни,
один пенни**

– и, убедившись, что прибыл точно по назначению, щедро расплатился с кэбменом.

Из дома мадам как раз вышла клиентка, белокурая девица с мечтательным лицом, и, увидев равнодушный взгляд мужчины под черным цилиндром, поспешно прибрала свои надежды и мечтания с лица, как единственную ценность, которую лучше спрятать подальше от недобрых людей – в карман своей забрызганной грязью юбки, за край чересчур глубокого декольте, выдававшего ее непочтенную профессию.

Проигнорировав висевший у входа молоточек, мужчина в цилиндре зашел в дом мадам Заиры и, миновав пару комнат, оказался в обтянутом синим бархатом кабинете, слыхом не слыхивавшем про сегодняшний солнечный день.

Внутри было не протолкнуться от маленьких низких столиков с хрустальными шарами, картами, рунами, лампами,

покрытыми разноцветными восточными платками... – атрибутов, клятвенно уверявших непосвященных: здесь обитает великая предсказательница! Атрибутов, сразу казавшихся посвященным старательно подобранными декорациями.

Мадам Заира сидела в большом кресле с короной-резьбой за круглым столом, покрытым черной бархатной скатертью, вышитой золотым шнурком.

Золотая чалма, узорная шаль с бахромой, длинные густые черные цыганские волосы – все, чтобы посетители поверили, что попали в экзотический, магический мир.

Киевский Демон звонко бросил пенни на маленькое медное блюдо с чеканкой.

– Не верю глазам, господин Киевицкий собственной персоной! – протянула мадам. – И в моем скромном салоне. Давно вы из Киева? – она говорила как иностранка, с трудом выговаривая буквы. – Не часто увидишь такого как вы... Дух Города в другом городе. Здесь вы намного-намного слабей, – рука мадам потянулась к золотому жезлу.

– Не настолько, чтобы вы могли подчинить меня, – холодно ответил ей гость, снимая цилиндр и усаживаясь в кресло напротив. – И все же вы задумались об этом на миг... значит, у вас много силы!

– Но мне не подчинить целый Город. Тем более, такой, как наш Киев, – спокойно согласилась она, разглядывая большой, украшенный прозрачно-голубым камнем перстень на руке своего неожиданного гостя. – Я и сама родом оттуда. – Ее

акцент не исчез, но стал малозаметным, как у человека, не бывшего на родине пару столетий.

– Оттого вы и сильны.

– У меня много силы, – согласилась она. – Но чем вы собираетесь заплатить за нее? – она насмешливо взглянула на его пенни.

– Я не дам вам ничего. Но расскажу вам, как не потерять то, чем вы дорожите превыше всего.

Он не стал уточнять. Она не стала спрашивать, что он имеет в виду – лишь быстро согласно кивнула, будто боялась, что он передумает. Мадам Заира и ее загадочный гость превосходно понимали друг друга.

Киевский Демон положил на черную бархатную скатерть три фото «рубашками» вверх.

– Назовите мне их имена?

– Не может быть! – вспыхнули щеки мадам, и лицо ее стало таким изумленным, будто гость достал из кармана лондонский Тауэр, Биг-Бен и Вестминстерское аббатство в придачу. – Великим Городом правят люди? Трое слепых? Пророчество Великой Киевицы Марины действительно сбудется?

– Еще очень нескоро. Вам не доведется увидеть его.

– Я знаю свой жизненный срок, – с достоинством сказала мадам.

– Потому я и здесь. Вы – потомок древних волхвиц, все до единого ваши пророчества оказались правдивы. Кабы сле-

тые хоть краем глаза узрели ваш дневник, они бы не носились со своим глупцом Нострадамусом.

– Носились бы. Слепые слепы по определению. И трое из них правят вами? Катерина, Дарья, Мария, – мадам поочередно коснулась пальцем трех перевернутых фото. – Ах, господин Киевицкий, Дементий Владиславович, будьте душкой, расскажите мне все! – «цыганка» внезапно обратилась в светскую даму, которая отлично знала людской псевдоним Киевского Демона. – Я столько изучала пророчество Великой Марины, но так и не смогла уразуметь его до конца... Неужели всеми ведьмами Киева, всеми шабашами будут править слепые люди, да еще и воспитанные людьми в мире слепых... неужели ведьмы примут их власть? Примут трех неумех?

– Удовлетворите свое любопытство, прошу, – г-н Киевицкий сделал жест рукой, предлагая ей перевернуть фотографии.

Некоторое время Заира рассматривала изображения трех женщин.

– Интересно... Весьма интересно. Что ж, я охотно расскажу вам про Трех. И мне нет дела до того, что вас интересует только одна.

– Как и мне нет дела до того, что обладательница трех замков и сокровищ, достойных семи королей, делает в самом вонючем районе Лондона, продавая свои предсказания за пенни, – ответил любезностью на любезность Демон. – В райо-

не, из которого любая благоразумная дама сбежала бы без оглядки.

– Вы говорите о кровавом чудовище Уайтчепела? – настояжилась та. – Полагаете, мне тоже угрожает опасность?

– Вы тоже имеете привычку ходить по ночам... Но я полагаю, что моя оплата воспоследует за вашей услугой, – поторопил ее пророчество Демон.

– О, вы будете довольны мной!

Мадам Заира презрительно сбросила со стола засаленные карты и пододвинула к себе маленький круглый шар, но не хрустальный, а похожий на аквариум без рыбок.

– Вот эта, Катерина, – пророчица взяла в руки фото невероятно красивой брюнетки, – слишком уродлива. Из рода уродов. Она считает, что ее невозможно любить, как урод-горбуна из романа господина Гюго. Она погибнет, если ее никто не полюбит. И в гибели может сгубить многих...

Господин Киевицкий удовлетворенно кивнул.

– Вот эта, Дарья... чем она занимается?

– Она певичка.

– Глупости... она не пела ни разу в жизни. Она не сыщет себя, пока хоть раз не споет. Когда она запоет так, что купол рухнет... она споет впервые в жизни!

Мадам пододвинула к себе третье фото. И ее стеклянный шар-аквариум вдруг ожил, засветился изнутри белым сиянием.

– Киевица Мария...

– Мария Владимировна.

– Ваша правда, она может овладеть целым миром. Самая сильная... но и самая слабая... Ее беда страшнее, чем у других. Я вижу рядом с ней мертвеца.

– Продолжайте, – сказал Киевский Демон.

– Даже двух мертвецов. Она родила сына от человека, которого давно нет на ее земле. Нынче же ваша Мария Владимировна живет с привидением... весьма любопытный выбор спутников жизни. Но выбор опасный!

– Продолжайте, – повторил гость, слегка постукивая утяжеленным перстнем пальцем по набалдашнику трости.

Ангел бездны

В земные страсти вовлеченный, я знаю, что из тьмы на свет однажды выйдет ангел черный и крикнет, что спасенья нет. Но простодушный и несмелый, прекрасный, как благая весть, идущий следом ангел белый прошепчет, что надежда есть.
Булат Окуджава, 1989 год

Начало XX века

Мужчина сделал шаг и замер на пороге – глаза молили о слепоте, сердце застыло, надеясь на безумие. Его девушка лежала на диване в нелепой, неприличной позе – с расставленными ногами, выгнутой спиной, запрокинутой головой. Ее черные чулки были спущены, запертая в корсет грудь тяжело вздымалась, из горла вырывался стон. А рядом с ней лежала прекрасная черноволосая дама. Рука дамы терзала девичью грудь, губы – жадно впились в ее губы.

Он не мог сказать, что испытывает сейчас – ужас, отвращение, восхищение? Он просто стоял и смотрел до тех пор, пока черноволосая не подняла лицо, не взглянула прямо на него.

И в этот миг его сердце остановилось.

Начало XXI века

...свернув на середине Андреевского спуска, женщина поднялась на Лысую Гору.

Киевляне знали Гору как Замковую – но она была Лысой. А женщину в общественном месте наверняка бы окликнули: «Девушка...». Но она была женщиной, и Гора знала об этом.

Гора знала: женщина идет сюда, потому что не может не идти – ее ведет нечто, неподвластное ей. Гора не желала пускать ее, и на литых металлических ступенях многомаршевой лестницы, ведущей на Замковую, сиял охранный узор. Но со временем узорные ступени изнашивались, их заменя-

ли обычными – последних стало больше – и теперь лестница не могла сдержать женщину, идущую на Лысую Гору.

За женщиной шел туман. Туман окутывал ее фигуру как бесплотная белая шуба, как огромный кокон ваты – туман делал ее невидимой для других. Иначе кто-нибудь непременно задал бы вопрос, зачем женщина, взбирающаяся на Лысую Гору, несет с собой лопату и труднообъяснимый продолговатый предмет, завернутый в темную ткань.

Взобравшись на вершину, женщина перешла по узкой тропинке на дальний отрог. Послушный туман рассеялся, и она огляделась. Слева Киев головокружительно падал на двести метров вниз – к засыпающему серому Днепру, справа – взлетал вверх, к подпирающим низкое октябрьское небо Андреевской церкви и тяжеловесному сталинскому ампиру музея истории Украины. За спиной женщины киевскую Лысую Гору обнимала фешенебельная, как крохотный европейский городок, новая элитная улица Воздвиженская, перед пришедшей, на вершине горы, стояли круглый каменный алтарь родноверов и камни с надписями: «Громадський жертovníк», «Пожертва ваша хліб і молоко...».

Возвышенное и земное, языческое и святое, гламурное и гранитное – сошлись в древней точке силы. Но женщину не интересовала сила Горы. Не обнаружив вокруг ни единого человека, она пошла дальше – в рыжую рощу, где умирало старое церковное кладбище.

Давным-давно некрополь окружал Троицкую кладбищен-

скую церковь Флоровского монастыря. Но церковь не устояла на Лысой Горе – была разрушена в 30-е годы, и ныне заброшенное дореволюционное кладбище казалось затаившимся и зловещим. Его можно было и не заметить – стволы тонких, оголенных осенью темных деревьев сливались с такими же тонкими, потемневшими металлическими крестами. Лишь на немногих могилах сохранились таблички со съединенными временем буквами, большинство оградок казались пустыми – могилы, которые они защищали, давно сровнялись с землей, землю скрыл ворох листьев. К монастырю бежала узкая дорога, почти стертая с лица ведьмацкой Горы.

Женщина переступила поваленное бурей дерево, остановилась, подняла глаза вверх. Кроны деревьев уже не заслоняли свинцовое небо, а земля во влажных и желтых осенних сугробах стала вязкой от многослойной листвы. Шорох собственных шагов мешал пришедшей на Гору услышать нечто, доступное ей одной... Она замерла, а секунду спустя бросилась, вздымая листья, к оскверненному разноцветным граффити серому склепу.

Рядом с ним стояла косая, утопающая в рыжей листве, сплюснутая временем оградка, – как и во многих других, внутри нее не просматривался даже холмик могилы. Пришедшая перешагнула через тонкие низкие прутья ограждения, расчистила ногой уже потемневшие листья... Постояла, глядя в освобожденную землю.

– Да, – возбужденно сказала она. – Это ты. Как долго я

тебя искала, любимый!

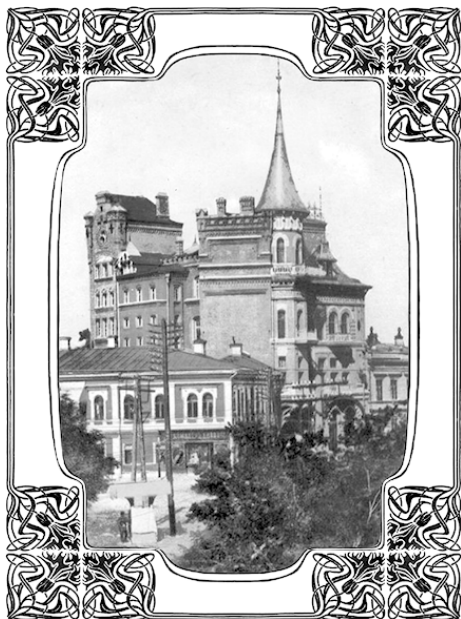
Она воткнула в землю лопату, аккуратно поставила загадочный продолговатый предмет и сдернула с него черную ткань...

У изголовья могилы стояло большое старое зеркало в почерневшей серебряной раме.

Все прочее скрыл туман, рухнувший на Лысую Гору, как громадное, сброшенное с неба одеяло.

Глава первая

Деды

Осень овладела Городом. Погода была по-осеннему сонной. И вроде не туман, а соседний дом за окном казался размытым как акварель. Улица Ярославов Вал точно затихла в предчувствии последнего – смертельного – акта. Природа умирала. Осеннее Макошьё должно было вскоре смениться

кать себе серьезное дело.

– Значит, дело брошенной матери троих детей не кажется тебе серьезным?

– Мне кажется, – парировала Катерина Михайловна, – если человек начинает выискивать свои проблемы в газетах, то это уже диагноз. Найди себе работу.

– У меня есть работа, – не без изящества отпарировала Даша. – Я работаю Киевицей – хранительницей Вечного Киева. И ты, кстати, тоже. Или я не в теме, и ты написала заявление об уходе?

Катерина наконец оторвалась от созерцания своей изумительной красоты и посмотрела на среднюю из Трех Киевиц – Дашу Чуб по кличке Землепотрясная.

Белые волосы, круглые глаза, пухлые губы, пухлый нос, грудь четвертого размера в сочетании с тотальным декольте, громоздкие ботинки, малозаметная юбка, пиратский платок с черепами и чулки, имитирующие кровавые раны, которые Чуб купила в ожидании Хэллоуина, померяла, пришла в восторг и не стала снимать. Детский сад, ей-богу!

С тех пор как волею Города, из обычной владелицы супермаркетов Катя перевоплотилась в Киевицу, властительницу Киева – главным своим достижением она считала не власть, не серебро и не золото, а обретенный ею покой – спокойное осознание собственной силы. Еще большую силу получила Маша...

Но несостоявшаяся певичка, звезда сомнительного сча-

стья Даша Чуб, невзирая на все свои вопиющие и громко поющие таланты, так и осталась какой-то незавершенной, нереализованной, беспокойной. Она давно не вызывала у Кати прежнего раздражения и неприязни, скорее – упрямое отрицание. И хотя рациональная часть Катерины Михайловны подсказывала ей, что их покой нуждается порой в неугомонных дрожжах Дашиного энтузиазма, она ничего не могла поделать с собой, Даша была для нее вроде беспокойной навязчивой мухи... которой к тому же следовало похудеть на пять – семь килограмм, прежде чем напяливать мини и декольтированные трикотажные кофты в обтяжку.

– Кстати послушай вот это... – Даша Чуб снова уткнулась в газету.

Белую фигуру толстой Дамы снова видели в окнах Башни на Ярославовом Валу, 1. Городская легенда рассказывает, что первый владелец дома шляхтич Подгорский построил его для своей любовницы. Видимо, он предпочитал крупных женщин. Но любовь вскоре прошла, и с горя женщина наложила на себя руки. С тех пор ее бедный дух бродит по дому-замку.

– Что за гадость ты читаешь? – не выдержав, Дображанская подошла к Чуб и, вынув газету из ее рук, взглянула на первую полосу.

«Неизвестный Киев» – интриговало название издания. Под ним красовались с десятков мелких и четыре жирных заголовка: «Через неделю начнется застройка Пейзажной ал-

лей?», «На Замковой горе неизвестные раскопали могилу монаха», «В окне дома на Ярославовом Валу, 1 видели привидение Белой Дамы», – а также фото с призывом «Помогите найти» и сообщением «В свой день рождения пьяная дочь бизнесмена зарезала отца».

– И точно, диагноз, – окончательно уверилась Катя. – Как ты могла купить такую бульварную чушь?

– Как ты носилась с газетой про апокалипсис¹, так это нормально, а как я, так сразу «брось каку»? Мне интересно стало, они же про нашу Башню писали. И почему ты считаешь, что у нас в доме не может жить привидение?

– Достаточно того, что здесь живем мы. Киевицы, ведьмы, черти, Демон. По-моему, жилплощадь занята. – Катерина взглянула на готические окна Башни Киевиц и сощурила глаза.

– И то, что Пейзажную аллею скоро застроят, тебя тоже не волнует? – нанесла Чуб удар слева.

– Нет, раз это не волнует наш Город. – Дображанская безглаголиво бросила газету обратно на стол и вернулась к высокому зеркалу. – Если бы Киеву грозила беда, он дал бы нам знать. Ой... – Катя положила руку на грудь. – Сердце кольнуло.

– Вот видишь? У нас в Башне происходят паранормальные явления. – Даша, с надеждой завертела головой налево-направо. – Ау, привидения! Белая Дама, ты где? Выходи!

¹ Читаете об этих событиях в книге «Киевские ведьмы. Никола Мокрый».

Тебе повелевает твоя Киевица!

Солнце за окном мигнуло и погасло – день внезапно стал пасмурным, насупился и недружелюбно покосился на Чуб.

Безмятежно почивавшая в кресле белая кошка Белладонна вскочила, выгнула спину и зашипела, обнажая клыки. Черный кот Бегемот, мирно спавший на каминной полке, издал целую россыпь недовольных звуков, с топотом бросился на балкон и одним махом сиганул на соседний серо-стальной гребень замковой крыши.

– Ты видишь! Видишь! – возликовала Землепотрясная Даша. – Ты в теме, что Кошки всегда реагируют на привидения? Пуфик, ты случайно не видела тут Белую Даму? – обратилась Даша к своей любимице – круглобокой рыжей кошатине.

– Мя-уууу, – недружелюбно сказала Изида Пуфик, хотя обычно предпочитала французскую или, на худой конец, русскую речь. Рыжая кошка нехотя сползла с дивана, бросила на Дашу Чуб обиженный взгляд и, не прощаясь, потрусила на кривоватых лапках в сторону кухни.

– Ждите гостей! – выгнув спину коромыслом, прошипела обычно уравновешенная блондинка Белладонна, прежде чем последовать примеру других представителей местного семейства кошачьих. – Зовите Васю-у-у...

Вслед за Изидой она помчались на кухню – там их обеих поджидала открытая форточка.

– Слыхала я, что крысы бегут с корабля, но чтобы кисы

из дома... – проводила их Чуб озадаченно-заинтригованным взглядом. – Это все Белая Дама? Или что тут происходит вообще?

– По-моему, ты что-то опять натворила. Что ж, звони Василисе, пускай объяснит, – равнодушно сказала Катя. – У меня важное дело.

– И куда ты так вырядилась?

Слово было не особо удачным – наряд красавицы Кати был дивно простым: темный костюм с длинной юбкой и приталенным пиджаком. Но блуза с воротником из жемчужно-серых винтажных кружев, пять громоздких колец в магическом стиле модерн, утяжелявших Катины пальцы, делали облик Дображанской почти вызываяще прекрасным.

– Я иду на антикварный аукцион. – Катерина поправила спикировавшую на лацкан ее пиджака современную брошь-бабочку с крылышками из разноцветной эмали.

– Новая? – заценила Даша.

– Только купила, – Дображанская скосила глаза. – Надо же, я и не заметила, что у нее в центре бриллиантик.

– Бриллианты, они вообще такие незаметные, скромные, – активно закивала Чуб. – Дай угадаю, на аукционе продается еще одна ювелирная цаца в стиле модерн?

– Нет, две картины Вильгельма Котарбинского, – с ноткой капризности произнесла Катерина и завершила с сомнением: – Может, куплю одну Маше в подарок. Ты хоть помнишь, что сегодня у нее день рождения?

– Я что, склеротичка? А кто такой Котарбинский?

– Один из художников, расписавший ее любимый Владимирский собор. Маша тебе лучше расскажет.

– И это твое важное дело?

– Ну, если у тебя есть дела поважней...

– Конечно, – Чуб выпрямилась с оскорбленной газетой в руках – загнать уже забурлившие намерения Землепотрясной под лавку было непросто, точнее – невозможно вообще. – Я – Киевица. И если у меня по Киеву бродят неучтенные привидения, из дома бегают кошки, а мужики бросают и душат женщин, все это имеет ко мне прямое отношение!

Солнце мигнуло и погасло. И показалось: навек, и мир навсегда останется унылым и серым. Но оно просияло вновь. Лишь в кронах деревьев университетского ботанического сада напротив гнезвился туман, и туман уже знал, что вечером он проглотит весь Город.

Осенние листья летели так медленно, что казались висящими в воздухе, – Киев получил расцветку в желтый листо-чек.

Упрямо зеленеющая трава у Владимирского собора стала мохнатой от рыжей листвы, и по ней с важным видом прогуливался большой черный ворон. Каштаны на бульваре уже

осыпались, но подтянутые, как строй солдат, тополя – упрямо зеленели, не собираясь сдаваться октябрю.

Две слишком светские богомолки подошли к желтым византийским стенам Владимирского и остановились неподалеку от двухсотпудовых двухстворчатых черных дверей с барельефами – узорная княгиня Ольга и пышнобородый, похожий на Илью Муромца, вооруженный мечом святой князь Владимир косо посмотрели на прибывших. Двери-ворота были закрыты, входить следовало через боковой вход.

– Ничего что у меня губы накрашены? – неуверенно спросила одна из богомолок.

– Нормально, – сказала вторая с видом знатока и достала из сумочки нарядный синий платочек с золотыми египетскими иероглифами.

– Ой... туда посмотри. Да сюда не молиться нужно ходить, а с мужиками знакомиться, – первая немного нервозно хихикнула и игриво указала глазами направо.

Богомолки застыли, напрочь забыв про Бога при виде прекрасного, как языческий бог, темноволосого и темноглазого парня, держащего на руках совершенно не похожего на него малыша – полугодовалого голубоглазого и беловолосого мальчика с лицом херувима.

– Я и не знала, что мадонны с младенцами бывают мужского пола! – снова хихикнула первая.

– Я вообще не знала, что такие мужчины бывают, – отозвалась вторая, повязывая на голову бирюзовый платок. – И

не голубой вроде – с ребенком!..

– Все голубые теперь тоже с детьми... Даже Киркоров родил себе что-то.

– А эта, рядом с ним, рыжая – кто?

Обе с вопросительным любопытством воззрились на невысокую тонкую девушку в длинной юбке и светлом платке, закабалившем ее огненно-рыжие волосы.

– Жена, наверное, – сказала первая, рассматривая готическое и рыжебровое лицо из коллекции Кранаха Старшего, – красивая... нестандарт.

– Красивая? – возмущенно изумилась вторая. – Вообще никакая. Уродочка. Зуб даю, она его няня. О, черт... – поход во Владимирский собор явно отменялся. – Не поверишь, зуб прихватило, – проныла она, хватаясь за подборок, чувствуя, как с каждой секундой боль нарастает, становится нестерпимой.

Облаченная в узорные одежды тринадцатипудовая Ольга на главных дверях на секунду приподняла опущенный взгляд и переглянулась с пятнадцатипудовым князем Владимиром на соседней створке:

«Видел, внучек? Люди, люди... не стоит обижать Киевицу!»

– Иди сама, – говорил тем временем Киевице ее спутник Мир Красиавицкий. – Я подожду.

Рыжая Маша кивнула, глядя, как ее сын Миша привычно обвивает шею Мира двумя руками, – как и многие дети, он чувствовал себя куда комфортней на руках у отца. Только Мир не был отцом ему.

– Ты прав. Миша еще слишком маленький, чтобы идти в Прошлое, – в голосе матери звякнула неуверенность.

Она с подозрением покосилась на крупного ворона, прогуливающегося между двух уже заснувших на зиму черных фонтанчиков для питьевой воды.

Ворон наклонил голову набок и внимательно посмотрел прямо на Машу.

И Маша Ковалева решилась...

Поднялась по ступеням к боковой левой двери, поклонилась.

– Именем Отца моего велю, дай то, что мне должно знать, – прочитала заклятие Хранительница вечного Города и, сделав шаг, прошла сквозь столетие.

...Владимирский собор был новым и ярким.

...Владимирский еще и не был собором – ему предстояло ждать освящения несколько лет, и часть его стен были рас-

черчены деревянными лесами.

Но Маша все же перекрестилась, прочитала молитву, но не за упокой – за покой. Здесь, в конце XIX или начале XX века, отец ее сына – художник Серебряного века Михаил Врубель – был еще жив.

Мир знал, что, перешагнув порог собора, Киевица перешагнет сто лет, оказавшись в Прошлом – в еще не законченном Владимирском. Но не знал, что она мечтает встретить здесь другого мужчину. И, оглашая просьбу Отцу-своему-Городу «дай то, что мне должно», надеется: Киев сочтет должным дать ей час, когда расписывавший этот собор Михаил Врубель будет здесь.

Маша привычно обернулась, посмотрела на фреску над главным входом – суровоглазый чернокрылый ангел с весами в руках разделял своей фигурой рай и ад. Много лет Маша и ангел мерялись взглядами, и она всегда была честна перед ним.

«Ты знаешь мою историю, – сказала она чернокрылому то, что так и не решилась сказать Мирославу, – я вдруг стала Киевицей, волшебницей... совершенно внезапно... и впервые отправилась в Прошлое... такая глупая... я еще даже не целовалась ни с кем... и познакомилась с Врубелем... и влюбилась в него сразу по уши. А потом оказалось, что я беременна. Так сразу... ведь видела его всего два раза в жизни!»

Сейчас Маша почти не помнила своих смятенных чувств к нему – лишь знала, что когда-то любила его и от этой люб-

ви появился их сын Миша-младший. Но с тех пор ей довелось прожить еще одну жизнь, обрести равновесие и мудрость... Мудрость и равновесие царили в душе до тех пор, пока ее шестимесячный сын Миша не сказал в первый раз слово «мама». А еще не произнесенное «папа» повисло в воздухе без адресата.

Маша поднялась на хоры. С детства она любила любоваться храмом с «балкона» второго этажа – здесь всегда было тихо, покойно. Здесь она была с Самым прекрасным в мире Владимирским собором один на один. Над головой сияло сотворенное Вильгельмом Котарбинским «Преображение Господне» – стоящий в яйце сверкающего света Иисус являл ученикам свою истинную небесную суть.

Она тоже преобразилась – стала Киевицей, властительницей Вечного Города. И теперь подумала вдруг: «Как это странно...».

Она могла разговаривать с Киевом, воскрешать мертвых, и сама умирала и воскресала, карала и миловала, трижды спасала мир. И любая загадка мироздания, над которой ломали умы сотни лет сотни мудрецов, казалась ей нынче простой в сравнении с вопросом... Кому ее сын должен сказать «папа»?! Миру, который любит ее и всегда будет с ней и с маленьким Мишей? Или своему настоящему отцу, который даже не знает о его существовании? Стоит ли рассказать Мише об отце, умершем за сто лет до его рождения, и должна ли она рассказать отцу о сыне? Отцу, который жил и умер,

не подозревая, что у него есть сын и наследник!

Больше всего Маше хотелось, чтоб на ее вопросы ответил кто-то другой, чтобы она случайно столкнулась здесь с Врубелем и не смогла не сказать ему правды.

Но на тайную просьбу Киев ответил ей «нет». Она не знала, какой нынче год и день, но точно знала, что в этот день Михаила Врубеля не было в соборе, – она ощущала его отсутствие кожей. И ей страшно захотелось поступить против воли Отца – по воле своей щелкнуть пальцем, увидеться с Врубелем и открыть ему все. Все!

«Именно так я и сделаю», – Ковалева подняла повелительную руку, машинально подняла глаза вверх, – ее взгляд ласково коснулся щедро изукрашенных раззолоченных стен. Врубель написал здесь только орнамент, единственную написанную им композицию «5-й день творения» заставили позже переписать Котарбинского! Но теперь собор кичился его именем, и никто из историков не забывал помянуть: Владимирский расписывал не только Васнецов, Нестеров, Котарбинский, Сведомские, но и гений Серебряного века – Михаил Врубель. Хотя на деле его эскизы не приняли. Да и не могли их принять – слишком странными они были, слишком стремными, порой даже страшными...

Маша вспомнила, что здесь, во Владимирском, ночью в крестильне сумасшедший Врубель нарисовал Божью Матерь с изуродованным лицом, с когтями, как у кошки, а потом закричал...

Ковалева вздрогнула: «Нет, я не хочу... Мише не нужно знать, что он сын сумасшедшего! Пусть лучше его отцом будет Мир!»

Она приняла решение. Окончательное – в душе сразу воцарился покой.

Миша-младший не будет расти в осознании, что он – сын безумного гения позапрошлого века. И не нужно знакомить его с подобным отцом – во всяком случае, до тех пор, пока Миша не станет взрослым.

Она с благодарностью погладила мраморные перила балкона хоров, вознаграждая Собор за совет, за то, что ее внутренние «Весы» наконец обрели долгожданное равновесие, и за то, что свой 24-й день рождения 21 октября она сможет встретить безмятежно счастливой...

– ...Вы уже слышали? – раздался со стороны лестницы чей-то насмешливый голос.

– О чем?

– О явлении его Прекрасной Дамы. Его Вечной Возлюбленной!

Два человека поднимались на хоры.

– Она пришла в собор под черной вуалью. Никому не сказала ни слова. И вуаль не подняла. Так и ушла. Вот такая у него жена – никто даже лица ее ни разу не видел. Ходит повсюду, как черный дух. И он ни с кем ее не знакомит. Быть может, его любезная супруга – такая рожа, что стыдно людям представить? – Голос запел на разудалый бульварный мотив-

чик:

Жена моя, красавица,
По улицам шатается.
Извозчики ругаются,
Что лошади пугаются...

– Полагаете, она так дурна собой? – откликнулся его спутник.

– Что же еще? Ну, разве эта супруга и впрямь некий незримый дух... Как раз в его вкусе! Влюбиться в привидение – это в духе нашего катара, – засмеялся рассказчик.

Они были совсем близко, и, не желая встречаться с людьми, Маша щелкнула пальцами, чтоб вернуться в свой XXI век.

– Ты – Киевица! И все беды, происходящие в Киеве, имеют к тебе отношение. И если ты хочешь эту беду поиметь, кто вправе запретить тебе? – поддержала Дашу Акнир.

Дочь предыдущей Киевицы и первая Помощница Главы Киевских ведьм была рада ее приходу. И Даша последнее время все чаще навещала ее дом, поговорить о магии и волшебании. Разговоры с Катей обычно заканчивались бес-

плодными спорами, Маша и Мир были слишком увлечены своим родительством и друг другом.

Да и квартира Акнирам (в отличие от их башни Киевиц с патриархальным камином и книжными ретро-шкафами) была настоящим домом современной ведьмы – креативной, активной и трендовой!

Белая лягушка Матильда, плавающая в аквариуме. Значки в стиле поп-арт с аббревиатурой практичных заклинаний. Коллекция полудрагоценных камней, собранных на блюде в узор удачи и счастья (каждый день Акнир складывала из камней разный орнамент, в зависимости от задач сего дня!). Многочисленные пяльцы с начатой вышивкой... Акнир расшивала модные юбки и джинсы волшебным узором, беспечно смешивала дешевые и дорогие кремы со смесями магических трав, ежедневно изобретала все новые освежающие маски для привлекательности – и в любой день могла бы стать миллионершей, выпустив любое из своих косметических средств, поскольку ее снадобья привлекали мужчин не на рекламных словах, а на деле.

Истинная ведьма, истинная дочь прежней Киевицы Кылыны – Акнир магичила как дышала, использовала магию вместо соли и сахара и легко решала с помощью подручной магии любую проблему.

– Хочешь, – предложила юная ведьма, – приворожим сбежавшего отца тройни обратно? Сварим Присуху прямо сейчас!

– Присушим к жене? Землепотрясная мысль! – Чуб достала из сумки газету. – Правда, брошенная жена сказала, – она заглянула в статью, чтобы убедиться в собственной памятьливости: – «...даже если он вернется назад, после такого поступка я его ни за что не приму». Но бабы обычно только говорят так.

– А если и правда не примет, – подпела Акнир, – будет ему по заслугам. Пусть присушенный всю жизнь вокруг бегают и все желания ее исполняет. Так и вину искупит, и у детей все же будет отец.

– Здорово, – настроение Чуб мигом улучшилось. Она кокетливо поправила новое хэллоуинское кольцо с пауком и черепами из стразов.

– Возьму Присуху № 16, она легкая, почти без побочки.

– А есть и с побочкой?

– Та, например, которой ты присушила к Маше ее Красавицкого... сразу и насмерть, и навсегда.

Чуб хохотнула, но не особенно весело. Акнир села к столу и тут же, не откладывая, принялась сочинять приворот из ягод, порошков и прочих чудес, разбросанных по ее столу вперемешку с недорогой бижутерией, бесценными артефактами из чистого золота, флешками, резинками для волос, магическими амулетами и разноцветными тенями в потертых коробочках.

Ее узкое вострое личико стало сосредоточенным – из-за светлых глаз и натуральных белых волос с золотым отливом

она могла бы казаться Дашиной младшей сестрой. И порой Даша ощущала ее – одновременно и младшей, и старшей. Мало кто в Городе, кроме самих Киевиц, мог сравниться по силе с этой худенькой девочкой с острыми локтями и худыми плечами.

Чуб прошлась по квартире, рассматривая разные занятные вещицы: выдавшую виды рабочую прялку, диски с ведьмацкими заговорами и песнопениями, фотографию покойной матери и бабки Акнир – двух предыдущих Киевиц на фоне их Башни.

Интересно, а кем был отец Акнирам? Акнир никогда не говорила о нем. С какими вообще мужчинами сходятся настоящие Киевицы, вроде покойной Кылыны?..

– И помни, – сказала Акнир. – Ты – Киевица. Ты можешь все, что не противоречит 13 Великим запретам.

– Ага, Киевица... – настрой Чуб вновь рухнул вниз. – Мы ща-с даже на Горе не дежури́м. Василиса позвонила с утра и сказала, что у нас типа отпуск... Две недели! Это вообще как? Выходит, наш Город дал нам отпуск в подарок ко дню рождения Маши! А почему он не сделал отпуск ко дню рождения мне? Выходит, я хуже?

– Не о том заморачиваешься, – Акнир никогда не нужно было объяснять слишком долго. – Ты тут вообще ни при чем, и твоя Маша тоже. Дело не в ней, а в том, когда она родилась. 21 октября – на Деды́.

– На... кто-кто?

– Деды. Так слепые называют день поминовения усопших. Мы, ведьмы, называем их Бабы́ или Мамки. Вы празднуете их в ближайшую субботу к 21 октября. Мы в женский день – пятницу. Соблюдение обряда занимает примерно 14 дней. А поддерживать хорошие отношения с родом очень важно – в любую минуту Киевице может понадобиться вся сила предков. Вот почему Город счел себя не вправе отвлекать вас.

– Отвлекать от чего? Что нам нужно делать?

– Сидеть дома, принимать гостей, угощать их ритуальной едой. Да не переживай, Василиса Андреевна зайдет к вам сегодня и все расскажет про кормление Душечек.

– В смысле, хорошеньких девушек? – перестала понимать ее Чуб.

– В смысле, покойников. Душечки – души милых тебе людей, – растолковала дочь Киевицы.

– Это такой древнеславянский языческий праздник?

– Не только славянский и не только языческий. Многие отмечают дни мертвых в конце октября – начале ноября, хотя и называют по-разному. Христиане празднуют родительскую субботу перед 26 октября. Кельты отмечали в ночь с 31 октября на 1 ноября и называли этот праздник Самхейн. А сейчас его называют Хэллоуином. Ты знаешь, в этот день в Америке дети переодеваются во всякую нежить, ходят по домам и кланчат: «Trick or Treat!»

– «Проделка или угощение!».

– И не знаю, как американцы, а наши предки, славяне, точ-

но знали, если на Бабы́ да Деды́ не угостить своих Душек, они устроят тебе дурную проделку. Обидятся на невнимание, нашлют на тебя хворь и тоску, беду на дом, падеж на скотину...

– На скотину? – занервничала Даша. – А кошки считаются?

– На Мамки кошек удаляют из дома. Кошки не выносят ни духов, ни призраков, бросаются на них, как на мышь. Это инстинкт.

– То-то наши кошки куда-то сдрыснули утром.

– Значит, к вам уже кто-то пришел...

– Белая Дама! – подорвалась Даша Чуб. – Я сама позвала ее. А мы ей вместо угощения – дулю. Что же теперь?

– Ничего. Я сказала: на исполнение обряда – 14 дней и Василиса вам поможет. Вы все равно собирались готовить что-то на день рождения Маши. Кстати, – резко умерила пафос Акнир, – что ты ей подаришь?

– Еще не знаю.

– И я. А я ведь Помощница Главы Киевских ведъм, я обязана принести дар Киевице. – обеспокоилась ведьма. – А Катя придумала?

– В процессе пока. Пошла на аукцион покупать картину художника, который расписывал Владимирский.

– Значит, сегодня аукцион «Licorne», – Акнир открыла свой ноутбук.

– А ты откуда знаешь?

– А он у нас только один такой...

Ведьма села к компьютеру, щелкнула мышкой, и Даша увидела на экране небольшой, заставленный стульями зал старинного особняка.

– Это чё, онлайн? – восхитилась Землепотрясная. – О, смотри, смотри, в третьем ряду наша Катя! Вот стерва, какая она у нас все же красивая... А ты в курсе, – повернулась она к Акнир, – что мама ее красивой во-обще не была. И папа, и бабушка с дедушкой тоже. А прабабушка – вообще уродина типа. Она одна такая в роду... Везет же некоторым!

– Или наоборот – не везет, – сказала юная ведьма.

Глава вторая

Два ангела

– Рад вас видеть!

Едва Катерина Дображанская взяла со стола каталог, рядом с ней образовался хозяин Аукционного Дома – Вадим Вадимович Водичев. Избранных, посещавших его антикварные аукционы в маленьком дореволюционном особнячке над Подолом, было немного, и он считал своим долгом обхаживать каждого:

– Жаль, что вас не было в прошлый раз.

Левый глаз хозяина прикрывала черная шелковая повяз-

ка. Одни говорили, что в молодости он чересчур увлекался опасной охотой и в одиночку ходил на медведя, другие – что в 90-е он был далек от антикварного бизнеса и водил близкое знакомство с известным криминальным авторитетом Ангелом, иные судачили, что он просто интересничает, желая привлечь внимание прессы. Но дороговизна вещей, с которыми он имел дело, мешала Кате уличить его в столь дешевом пиаре.

– Однако сегодня я не сомневался, что вы придете, – сказал Вадим Вадимович.

– Отчего же?

– Вильгельм Котарбинский, – хозяин выговорил фамилию так смачно, словно успел облизать языком каждую букву. – Мистическая личность. Один из ярчайших символистов стиля модерн. Модерн, – произнес он так, словно был влюблен в это слово и собирался сделать ему предложение на днях. – Ваше пристрастие.

– Хотите сказать, мой бзик? – саркастично спросила Катерина. – Об этом уже знают все?

– Круг истинных ценителей живописи очень узок.

– Признаюсь, я не жалую живопись, – сказала Дображанская.

– А как же акварель княжны Ольги Романовой, которую вы купили у нас?

– Просто я знала ее лично. И у меня сохранились хорошие воспоминания о ней.

Хозяин встретил ее шутку² положенной улыбкой и вежливо погладил взглядом Катину золотую бабочку-брошь.

– Отменная вещь. Стрекозы и бабочки – два главных символа модерна. Насколько я знаю, бабочки символизировали женскую душу. Но, боюсь, сегодня у вас есть соперница, – он улыбнулся, приглашая Катю взглядом налево.

У обитой темно-синим шелком стены стояла молодая огненноволосая дама в маленьком черном платье. На ее шее висел заключенный в нарочито простую оправу неприлично огромный бриллиант размером с голубиное яйцо. На придерживающей раскрытый каталог правой руке сиял перстень с бриллиантом цвета утренней зари. Но больше всего Катю пленили ее серьги – 15-каратные бриллианты чистой воды.

До сих пор Катерина не увлекалась камнями, интересуясь сугубо магическим мастерством ювелирной работы. Но сережки огненной дамы произвели на нее странное воздействие. Рыжая стояла в профиль, и в данный момент Дображанская видела лишь одну серьгу – прозрачный сверкающий камень. Он смотрел прямо на Катю, как обращенный к ней глаз живого существа. И этого проникновенного взгляда было достаточно, чтобы понять: она влюбилась!

Получить их... Причем сейчас и немедленно! Купить за любую сумму, отдать за них все, что есть. Желание было слепящим, как вспышка света, острым как желудочный спазм, –

² О знакомстве Кати с Великой княжной читайте в книге «Киевские ведьмы. Рецепт Мастера».

неуправляемым.

– Кто она? – хрипло осведомилась Катерина Михайловна. Ей казалось: она знает всех богатых людей страны и их жен. Но, видимо, она ошибалась. Один розовый бриллиант на руке незнакомки тянул на миллионы.

– Виктория Сюрская. Человек мира, – представил хозяин. – Известная художница. Большую часть времени живет за рубежом. Ее картины покупают в Европе, в Америке... Несомненно, что-то в них есть. Возможно, она даже гений... А в промежутках между занятием живописью Виктория меняет богатых мужей и бриллианты. Познакомить вас?

– Нет, – преодолела соблазн Катерина.

Медноголовая дама повернула голову, и Катя заметила, что бриллианты в ее серьгах отличаются по размеру: второй пусть и малозаметно, но все-таки меньше.

– Простите, не буду мешать вам заниматься другими вещами.

Сунув каталог в сумку, Дображанская подошла к небольшому застекленному стенду, демонстрирующему коллекцию черно-белых дореволюционных открыток с полотнами Вильгельма Котарбинского. Она не лгала: живопись, в том числе и эпохи модерн, не была ее профилем. И, выбирая подарок, Дображанская еще не приняла окончательного решения.

– Если хотите знать мое мнение, – послышался презрительный мужской голос сзади, – Котарбинский – это Врубель для бедных.

Голос презрительного был Катерине знаком: на позапрошлом аукционе она увела у его обладателя, генерального директора банка, кофейный сервис семьи Романовых.

– Взгляните, вроде бы все то же самое... Но Михаил Врубель был гением, а Вильгельм Котарбинский – нет.

И, поразмыслив, Катерина согласится со своим неудачливым соперником. Разглядывая большеглазых Вильгельмовых девушек, муз, души цветов и русалок, она невольно вспоминала врубелевских див: Музу, Сирень, Царевну-лебедь. Фантастические темы, волновавшие их, были похожи, и девушки были порой так похожи, что какую-нибудь не самую яркую работу Врубеля не знатоку можно было легко перепутать с сюжетом Котарбинского. И все же...

Черно-белая открытка, изображавшая двух девушек-стрекоз с тонкими крылышками за спиной. Дева-волна, лобзающая труп утопленника. Разбившийся о землю мертвый ангел и обезглавленная красавица, прекрасная голова которой висела у нее на руке, словно жутковатая сумочка... Котарбинский был, несомненно, талантлив. Но в том, верно, и разница между талантом и гением. Даже если твой гений, как гений Врубеля, засасывает душу в темную бездну.

Вот и еще вопрос: приятно ли Маше напоминание о Врубеле? Понравится ли ей такой печальный подарок? Или картина Котарбинского напомнит ей лишь о любимом Владимирском соборе?

– Впрочем, Вадим Вадимович может не беспокоиться, –

продолжил презрительный директор за Катиной спиной. – Я точно знаю, кто это купит. Тот, кто подбирает весь мусор... если он в стиле модерн.

Неудачливый соперник стоял слишком близко, чтоб не понимать: Дображанская слышит его. И его слова повернули ее мысли иную сторону:

«Любопытно... Он пытается унижить меня из-за прошлой обиды? Или унижить лот с дальним прицелом – чтобы купить “мусор в стиле модерн” самому?»

– А сейчас два долгожданных лота, – объявил ведущий аукциона – облаченный в черный смокинг театральный артист с сединами «благородного отца», – Вильгельм Котарбинский – один из ярчайших символистов модерна, – почти слово в слово продублировал он определение хозяина. – Поляк по происхождению. Окончил художественную Академию в Риме. Жил в Киеве. Участвовал в росписи Владимирского собора. Особенно высоко искусствоведы оценивают его шестикрылых серафимов на хорах. Вместе с Павлом Сведомским написал «Суд Пилата», «Тайную вечерю», «Распятие», «Въезд Господень в Иерусалим». Работы художника хранятся в Национальном музее в Варшаве, Третьяковской галерее, киевском музее Русского искусства. Однако, –

«благородный отец от искусств» сменил темпоритм, и его голос стал интригующе томным, – особой популярностью у публики Серебряного века пользовались его работы иного плана – полные магии, символов и фантастических видений. Отпечатанные в киевском издательстве «Рассвет» почтовые карточки с изображением мистических сепий Котарбинского летали по всей Империи. Коллекционеры открыток с его работами знают, что он часто переписывал один и тот же полюбившийся сюжет много раз, меняя лишь отдельные детали...

– Занимался самоплагиатом, – шепнул своей спутнице Катин соперник – и непосредственно на аукционе генеральный директор банка сел прямо позади Дображанской.

Помимо его дамы, Катерины, рыжей художницы и двух дочек богатых пап, женщин в зале не было – только мужчины. Все держали в руках круглые таблички с номерами.

– Вильгельм Котарбинский был чрезвычайно плодовит, – продолжал «благородный» ведущий, – рисовал много и быстро. Потому точное количество созданных им работ неизвестно до сих пор. Киев постоянно открывает нам новые и новые чудные находки... С тем большим удовольствием я представляю вам две никому не известные «жемчужины», найденные в городе совсем недавно. Лот № 22. Вариация на тему сюжета «В тихую ночь», начало XX века, бумага на картоне.

Милая девушка в черной юбке и белой блузе вынесла и по-

ставила на возвышение небольшое полотно размером 34×68. Одновременно изображение появилось на киноэкране над головой ведущего. Катерина перевела взгляд на каталог аукциона.

Здесь новоявленная и неизвестная ранее работа «В тихую ночь» была опубликована рядом с известной – растиражированной в виде дореволюционной открытки издательства «Рассвет», Киев. Разница между двумя «ночами» была небольшой. И та и другая представляли собой синее звездное небо над туманным озером. Из водного тумана выплывала облаченная в длинную светлую рубаху дева-душа. Ее принимал в объятия спустившийся с неба темнокудрый ангел. Профиль девы был обращен к нему. Губы ангела касались ее бледного чистого лба.

Но на открытке левая рука девушки плетью свисала вниз, в то время как выставленный на продажу шедевр представлял туманную деву в другой позе – рука красавицы обнимала ангела за шею.

На строгий вкус Катерины Михайловны сюжет был нестерпимо слащавым, и она перевернула страницу, чтобы взглянуть на следующий лот – № 23. Вариация на тему «Дух Бездны».

Здесь все было наоборот. Ангел был женщиной с огромными черными крыльями, с обращенным анфас страшным и прекрасным лицом – с суровым ртом и большими застывшими глазами. Прижимая к себе полумертвого от страха муж-

чину, Черный Ангел тянул его вниз – в черную расщелину скал. И что-то в этом сюжете зацепило Катю – первобытная сила, неподдельная вопиющая боль, кричащий ужас и страх. Черный Ангел понравился ей много больше – как работа он был неизмеримо сильнее. Но Маше, влюбленной в темно-волосых серафимов Владимирского, несомненно, подходил столь похожий на них Ангел Белый.

Тем временем аукцион начался.

– Начальная цена тысяча долларов, – оповестил ведущий. – Кто даст тысячу?

Блондинка в первом ряду быстро подняла номер – судя по возбужденному выражению ее лица раздражавшая Катю душевно-ангельская сентиментальность «Тихой ночи» казалась ей воплощением высшего искусства, а розовое платье девы-души было точно такого же цвета, как шторы в ее спальне.

– Тысяча! – радостно подхватил ведущий. – Следующий шаг – тысяча сто, – надбавил он положенные десять процентов. – Кто его сделает? О, вот и тысяча сто...

Огненноволосая дама с голубым бриллиантом на шее махнула номером. Серьга сверкнула... И Катя забыла про торг – забыла, зачем пришла сюда, забыла о празднике Маши, забыла даже о том, что этот бриллиант не ее. Алмазная сережка смотрела на Катю, маня ее дивной чистотой родника. Взгляд бриллианта был таким пристальным, что Дображанская растворилась в нем, – камень словно оказывал на

нее гипнотическое воздействие... Она очнулась только тогда, когда ведущий воскликнул:

– Двадцать пять тысяч. Кто даст больше? Следующий шаг – двадцать семь тысяч пятьсот. Вижу двадцать семь тысяч пятьсот!

Блондинка не сдавалась. Рыжая – тоже. Имелись и другие соперники. Одни демонстративно тянули руку вверх, иные, желавшие сохранить инкогнито до финала торгов, делали лишь еле заметное движение, видимое одному ведущему, и Катерина не могла понять, с кем еще она ведет торг. Но ей стало заранее жалко потраченных денег.

– Следующий шаг – тридцать тысяч...

Кто б мог подумать, что «самоплагиат» и «мусор в стиле модерн» будет иметь такой спрос?

– Вижу... Тридцать тысяч! – сказал ведущий, ответив тем самым на заданный ею вопрос. Он смотрел прямо за спину Дображанской, туда, где сидел ее соперник – директор банка.

«И ты, Брут?...» – мысленно вздохнула она и качнула своим номером.

– Тридцать три... – седовласый ведущий аукциона не смог сдержать излишне жгучего взгляда на красивую Катю. И в который раз ее красота немедленно вышла ей боком.

Стоило седовласому выдать ее, сидевший перед Дображанской долговязый и худой бизнесмен, известный взрывным, неуправляемым нравом, быстро обернулся к ней и прошептал:

– Кончай! А то посажу... Поняла?

От неожиданности Катя моргнула. Приняв моргание за знак согласия, тот удовлетворенно вернулся в исходную позицию.

«Он что, угрожает мне? – к щекам Дображанской прилила кровь. – Мне, Киевице?»

– Тридцать шесть, – отреагировал ведущий на движение блондинки. – Сорок тысяч, – его взгляд опять полетел за спину Дображанской. – Сорок четыре, – взгляд переместился вперед.

Рыжая художница уже отпала. Но Кате надоело ждать – решительно сбросив с себя остатки бриллиантового гипноза, хранительница Города встала и крикнула, нарушая все правила.

– Шестьдесят! Есть желающие дать больше? – рука Дображанской, украшенная кольцом с подавляющим волю алмазным цветком одолень-травы, подняла номер.

Возразить ей не смог никто. Со всех сторон на Катю полетели лишь недовольные взоры, гримасы и возмущенное шиканье. Блондинка в первом ряду полоснула ее обозленным взглядом, не скрывая обиды за угнанную картину, которую она уже никогда не повесит в своей розовой спальне. Сопровождавшая ее не участвовавшая в аукционе шатенка присовокупила неприкрытую ненависть – за изумительно красивую Катину внешность, которой не будет обладать никогда. Рыжая художница тоже посмотрела на Катерину Михайлов-

ну, быстро, но пристально, – и даже не на нее, а на брошь, кивнула, словно по одной эмалевой бабочке в стиле модерн определила всю Катину суть – и отвернулась.

Видимо, получив знак от хозяина, ведущий провозгласил:
– Шестьдесят тысяч – раз...

Взрывоопасный бизнесмен развернулся к Кате всем телом. Его глаза кипели, тонкие губы змеились. Внезапно он издал краткий невразумительный вскрик, порезавшись о ее взгляд... В прямом смысле слова – по щеке мужчины потекла быстрая кровь. Порез был коротким, но глубоким, горячим. Кровь скользнула на белый воротник рубашки, поползла по груди. Мазнув рукой по щеке, бизнесмен ошарашенно посмотрел на свою ладонь.

– Вы порезались, – сухо сказала Катя, не сводя с него ставших бездонными глаз. – Нужно быть осторожней. Так ведь можно случайно порезать и горло.

«Кто ты????!!! – прочитала она ответный обезумевший взгляд, рука мужчины схватилась за шею. – ...Ведьма!»

«А вы не знали?» – ответила взглядом ведьма.

– Пустите. Я порезался... запонкой, – быстро сказал он соседу и спешно вышел из зала.

– Шестьдесят тысяч – три! Продано!.. – элегантно стукнул молоточком «благородный отец» и одарил Катю благосклонной «отеческой» улыбкой. – Екатерине Михайловне Дображанской.

Катя, в свою очередь, тоже обернулась, взглянуть на вновь

поверженного соперника – швырнула генеральному директору банка прямой насмешливый взгляд. Тот едва сдержал спазм, и она поняла, что в кармане у него покоилось ровно тридцать тысяч, но она вновь смешала ему все карты.

Внезапно в сердце у Дображанской опять закололо. По коже помчался озноб. Тело бросило в жар, кожа стала огненной.

«Что со мной? Я словно заболеваю?»

– Лот № 23, – бодро заявил ведущий, глядя на Катю так, точно стал ее персональным гидом по миру искусства. – Вариация на тему «Дух Бездны», начало XX века, бумага на картоне, соус. Вариант работы был опубликован в книге...

Черный Ангел с бездонными глазами-пропастями появился на экране ноутбука Акнир. Дашины глаза округлились, ресницы захлопали, пухлый нос зачесался:

– Ух ты!.. Как, по-твоему, за сколько Катя купит его?

– Хочешь перекупить? – смекнула Помощница Главы Киевских ведьм.

– Ну, есть в нем что-то... Правда? Такое... страшное. А тебе не кажется, что Дух Бездны на Катю похож?

– Совсем не похож, – не согласилась Акнир. – Разве что взглядом. Иногда у нее бывает такой.

– Но на кого-то он точно похож! Я буквально только что видела этого человека, – нетерпеливо заерзала Чуб. – Может, там, на аукционе? – Даша приблизила нос к экрану, рассматривая избранную – платежеспособную публику.

– Начальная цена – тысяча долларов, – сказал ведущий. – И я уже вижу тысячу...

Известный коллекционер в нарочито непрезентабельном свитере сделал знак, подмеченный только «благородным отцом» аукциона и камерой.

– Вижу тысячу сто... – сказал ведущий.

Катин соперник вступил в игру. Блондинка и рыжая остались неподвижны: для первой сюжет был слишком не розов и слишком жесток, вторая – по иным, ей одной известным причинам.

В мгновение ока сумма выросла как на дрожжах.

– Десять тысяч... Одиннадцать... Двенадцать... – едва успевал выкрикивать ведущий. Его взгляд метался меж нескольких горячих точек – ни коллекционер, ни генеральный директор банка не собирались сдаваться. Нашлись и другие желающие.

– Двадцать тысяч... Двадцать две...

Когда сумма перевалила за сорок штук, Катерина подумала, что, рассчитывая финансовые возможности своего соперника сзади, не учла одного – его хорошего вкуса. Очевидно, он просто не желал расставаться с деньгами ради сладкого ангела. Сейчас же, когда речь шла о стоящей вещи, он не

скупился.

– Тридцать шесть... Нет, уже сорок... Сорок четыре... – немолодой ведущий запыхался, так быстро ему приходилось говорить... – Сорок восемь. Пятьдесят.

Ангел Бездны притягивал не одну только Дашу – в дивной скорости этих торгов зазвенела настоящая страсть.

– Пятьдесят пять... Шестидесят!

Зал затаил дыхание – бой за лот напоминал поединок на ринге, в каждой новой названной сумме звенела сила удара, и каждый мечтал убить новой ставкой соперника.

Катя слышала позади себя учатившееся дыхание директора банка. Ощутила на шее его горячий взгляд... И вдруг угадала: это не страсть – это месть. Месть Кате, – ее соперник специально набивает цену, чтобы она купила лот по наивысшей цене. Не сомневаясь: та, кто «собирает весь мусор, если он в стиле модерн», все равно его купит!

«Ошибаешься, – равнодушно подумала Катя. – Я не собираюсь его покупать».

– Ну, купи, пожалуйста, купи ее! – взмолилась Чуб по другую сторону экрана. – А потом я как-нибудь накоплю и отдам.

– Шестидесят шесть, – сказал ведущий. – Семьдесят!

– Сволочь, – эмоционально воскликнула Даша. – Где я вам семьдесят тысяч достану?.. Можешь превратить его в лягушку? – повернулась она к Акнир. – Почему я должна платить столько?

– А почему в лягушку?

– Устроим твоей Матильде личную жизнь. Двойная польза!

– Прости, но я свою Матильду за кого попало не выдам... – Акнир похлопала по стене аквариума с белой подружкой.

– Восемьдесят. Восемьдесят восемь. Девяносто пять. Сто! – крикнул ведущий. – Сто тысяч – раз... Сто тысяч – два...

Коллекционер сдался последним. Прочие – сдали позиции еще на шестидесяти. Вдохновенно злое лицо соперника Кати увеличил экран. И едва ведущий выкрикнул «Сто тысяч – три!» – в его взгляде впервые пропечаталась не только злость, но и страх.

– Продано! – произнес ведущий. – Анатолию Николаевичу Томину.

– Как продано? – дезориентировалась Чуб. – А Катя чё?.. Не купила?

– Нет, – сказала Акнир.

– Почему?

– Как я понимаю, она покупала подарок Маше. Сама она не поклонница Котарбинского.

– Но ведь вторая картина лучше! Она мне больше понравилась!.. – расстройству Даши не было предела.

– Но ведь это подарок не тебе, – резонно заметила дочь Киевицы.

Словно желая попрощаться с Землетрясной, «Дух Бездны» появился на экране вместе с круглой ценой.

– Стой! Сделай стоп-кадр... Скопируй картинку! – заорала вдруг Чуб.

Акнир ударила по клавише. Черный Ангел замер на экране. Землетрясная проворно развернула газету «Неизвестный Киев».

– Я знаю, на кого он похож, – с облегчением человека, наконец разгадавшего ненужную, но прилипшую как репейник загадку огласила она. – Посмотри!

Акнир поглядела на указательный палец Чуб, уткнувшийся в газетное фото под заголовком «Помогите найти» – красивую, темноволосую, большеглазую девушку с застывшим взглядом и суровым ртом. Затем перевела взгляд на пойманную монитором картинку.

– Дочь бизнесмена, которая спяну убила отца! Скажи, что она похожа на Черного Ангела? – попросила Даша.

– Она не просто похожа, – сказала Акнир. – Похоже, что это она!

Выходя из обитого темно-синим атласом зала, Дображанская бросила на поверженного соперника сожалеющий взгляд – воинствующая, неискоренимая и саморазрушитель-

ная глупость людей вызывала у старшей из трех Киевиц в последнее время неподдельную грусть о несовершенстве мира. В бездну директор банка вверг себя сам – и теперь застыл в кресле, будто купленный им «Дух» с лицом Горгоны обратил его в камень. Если в наличии у него имелось всего тридцать штук, откуда взять еще семьдесят – представлялось большим вопросом.

Но намного сильнее Катерину беспокоила собственная внезапно обретенная способность. Обладать острым взглядом, острым без всяких фигур речи – слишком опасное свойство, особенно если ты не знаешь, как им управлять. Еще во время аукциона Катя отправила sms своему водителю с просьбой срочно привезти ей очки с затемненными стеклами, хотя и не знала еще: спасет ли кого-нибудь их темнота.

– Всегда рады видеть вас, – задержал ее хозяин Аукционного Дома. – Признаюсь, сегодня вы удивили меня.

– Простите, что нарушила правила, – принесла свои извинения Катя.

– Я не был удивлен. Но не сомневаюсь, что это больше не повторится, не так ли?

Ее тоже не удивила его снисходительность – Вадим Вадимович давно намеревался влюбиться в Катерину Михайловну, прекрасную, как столь любимые им великие произведения искусства.

– Но, признаюсь, я был уверен, что вы предпочтете Небу Бездну, – сказал он, смягчая высокопарность улыбкой. –

Предпочтете не белого, а черного ангела. Или приобретете обе картины.

– Последнее было бы для вас предпочтительней, – усмехнулась Дображанская.

– Я не ожидал таких горячих торгов. Не думал, что Вильгельм Котарбинский вызовет подобный ажиотаж... Имя известное, но только любителям. Скажу по секрету, в старой киевской семье, где я нашел его сепии, хранилось не две, а три работы художника. Но с третьей владельцы не желали расстаться. И я понимаю их. Это магическая, ирреальная вещь. Она так и называется – «Тайна». Однако теперь, когда члены семьи получают такую серьезную прибыль, я полагаю, «Тайна» станет гвоздем нашего следующего аукциона. Если, конечно, они эту прибыль получают, – хозяин озабоченно покосился на Катиного соперника. – Всегда, всегда жду вас в нашем Доме, – послал он Катерине последний галантный кивок. – Не обязательно ждать аукциона, заходите почаще...

– Непременно зайду.

Дображанская вышла на улицу в смешанных чувствах. Сердце снова кольнуло. Неприятно. В остальном – она и сама не могла понять причин крайнего своего беспокойства. Ей страшно смотреть на людей? Жалко соперника или все-таки денег? Или жалко, что пришлось купить худшую картину вместо лучшей? Потому ее так растревожило упоминание о третьей работе – возможно, она могла примирить Катин вкус и Машину любовь к серафимам... Стоило расспросить

поподробней? Может, вернуться назад?

Ветер поднял желтые листья с земли и закружил их воронкой – она походила на Катину кружение чувств. Среди летящих листьев блеснула брошенная кем-то конфетная бу-мажка. Сердце пронзило иглой, и вместе с болью пришло понимание:

«Дело не в этом. Дело в серьгах художницы. Я хочу их купить! Но не могу. Потому пытаюсь соврать себе, что не хочу... чтоб не думать о них!»

Как и огненной даме, оценившей Катину брошь, Добра-жанской хватило и взгляда, чтоб понять: человек мира Вик-тория Сюрская такая же, как и она, фанатка, влюбленная в свои украшения, и просить ее продать их – бессмысленней, чем выпрашивать душу. Не исключено, что с душой она рас-сталась бы намного быстрее, если, конечно, у любительницы сменных мужей и бриллиантов еще осталась в наличии душа.

Катя точно нащупала причину печали – напряжение сме-нила тоска, а перед взором всплыло ухо заезжей миллио-нерши – сережка, глядевшая на Катю живым человеческим зрачком. Чистейший бриллиант словно строил ей глазки... Если эта Виктория Сюрская не продаст их ей!..

У Кати возникло бесконтрольное желание пойти и пере-резать художнице горло. Забрать серьги силой... Призвать Силу Киевиц! Неодолимость желания испугала ее саму. От-куда такая кровожадность? Что происходит?..

«Даша в чем-то права, я схожу с ума на почве драгоцен-

ностей. Это сродни наркомании. Но я хочу эти серьги! Я хочу их!» – по-видимому, она произнесла это вслух – и сразу услышала:

– Опять драгоценности? И как ты еще не разорилась?..

У ее черного вольво стояли Даша Чуб и Акнир.

– Что вы здесь делаете? – Катя вдруг страшно обозлилась на Дашин балаболистый и излишне острый язык.

– Ой, – вздрогнула та. – Я язык прикусила... Так больно... До крови...

У Кати потемнело в глазах. Она испуганно наклонилась к машине – вышколенный шофер Гена мгновенно опустил стекло и протянул ей очки.

– А это чё за маскировка еще? – не уразумела Землепотрясная Даша.

– Глаза болят, – мрачно сказала Катерина Михайловна.

– О'кей, – Чуб достала из кармана газету. – Помнишь вот это?

– Ты все еще носишься с этой гадостью? – буркнула Катя. – А вот от тебя, Акнирам, я не ожидала подобного, – пожурила Дображанская дочь Киевицы.

Но Акнир показала себя настоящей подругой – склонилась низко и произнесла нараспев:

– Как любая из Трех, Ясная Пани Дарья всегда может рассчитывать на мою поддержку и помощь, ибо кто я, чтоб сомневаться в выборе Города, который выбрал ее так же, как и вас, – сказала она и, поклонившись еще ниже, быстро взгля-

нув на Дашу, подмигнула ей правым, невидимым Кате глазом.

Дображанская самоиронично дернула ртом. (Вот она высшая школа Киевиц – проявить подобострастие и тем самым поставить оппонента на место!) Жест Акнир произвел впечатление – как бы она ни относилась к Чуб, та была равной ей, одной из Трех, и презирать ее означало презирать выбор Города.

– Дай сюда, – Даша вырвала каталог аукциона из Катиных рук и поспешно открыла на «Духе Бездны». – Смотри! – приложила она картину к газетному фото. – Видишь?! Одно лицо.

– Да. И кто она? – равнодушно спросила Катя.

– Землепотрясный вопрос, – хмыкнула Чуб. – И ответ написан тут же... Дух Бездны!

– Не смей меня, – с презрением отвергла «бездну» Катерина Михайловна. – Я знаю массу людей, похожих на старые картины. Два года назад у меня работала секретарша, похожая на «Всадницу» Брюллова. Она так гордилась этим, что даже повесила репродукцию у себя над рабочим столом... А еще больше я знаю людей, похожих на собственных бабушек, прабабушек, дедушек. Может, Котарбинский встретил ее пращурку и написал «Духа Бездны» с нее.

– Может, – согласилась Акнир. – А может, и нет. Любую версию стоит проверить.

– Проверяйте.

– Рада, что вы одобряете наши действия. Как Помощница Главы Киевских ведьм я позвонила одной из наших в прокуратуру.

– Одна из наших ведьм работает в прокуратуре? – заинтересовалась феноменом Катерина Михайловна. – Вот это уже любопытно.

– Кому же еще там работать? – пожала плечами Акнир. – Она согласилась разузнать о деле убитого бизнесмена все, что возможно, и сообщить нам.

– Когда сообщит, расскажите мне, – Дображанская шагнула к машине. Акнир опередила ее и предупредительно открыла перед старшей из Киевиц дверь рядом с шофером.

– Рассказываю. Уже пятнадцать минут она ждет нас в кафе на Богдана Хмельницкого.

И тут Катя почувствовала, что в ее сердце окончательно вошла стальная игла.

Глава третья

Некромант

...все в доме было готово к приему гостей. Успешный бизнесмен Николай Иванов (все имена и фамилии изменены) собирался отметить восемнадцатый день рождения любимой дочери Веры. Но торжество обернулось трагедией. Помимо отца в квартире был жених девушки (их свадьба должна была

состояться через неделю). Мать уехала за подарком. Каков же был ужас женщины, когда, вернувшись, она застала дома полицию и увидела на полу бездыханного супруга с огромным ножом в груди.

По показаниям жениха, за два часа до прихода гостей отец обнаружил дочь в своей комнате совершенно пьяной. Он пытался уговорить Веру взять себя в руки, принять душ, привести себя в порядок, и позвал жениха на помощь. Девушка отвечала им пьяной руганью и оскорблениями. Ругательства были такими непристойными, что, вспылив, родитель дал ей пощечину. В ответ именинница схватила со стола с фруктами нож и вонзила в грудь отца.

Все произошло так внезапно и быстро, что в первый миг никто ничего не понял. Отец только успел сказать: «Вера, зачем?..» – и упал на пол. Жених бросился к нему – пульса не было.

Несколько секунд девушка стояла как пораженная громом, затем крикнула: «Я не хотела!» – и выбежала из дома. По свидетельству слуг, убегая, она успела прихватить свою сумку, в которой лежал ее паспорт, телефон и некоторая сумма денег.

В тот же вечер овдовевшая мать убийцы получила sms: «Прости. Хотя меня невозможно простить. Не ищи меня. Не знаю, смогу ли я после этого жить». Жених тоже получил послание: «Прости. Ищи себе другую. Я исчезаю навсегда»...

– Вот! – Даша отложила газету.

– Бульварный роман! И до чего мерзкий стиль, – скривилась Глава Киевских ведьм Василиса Андреевна.

Она привычно передернула плечами, одним движением возвращая в стойло бюстгальтера свой впечатляющий и непокорный бюст то ли пятого, то ли шестого размера.

При взгляде на нее и Землепотрясую Чуб невольно возникла мысль о дуэли декольте – притом, большая, крупноколиберная, Василиса Андреевна, презиравшая блеклые цвета, восседавшая в ярко-красном расстегнутом полупальто и зеленом платье с глубоким вырезом, брала верх и в глубине, и в ширине, и в объемах, и на ее фоне Даша испытывала непривычное чувство – ощущала себя скромной и несколько блеклой.

– Скажите, тут есть хоть слово правды? – обратилась к прокурорской ведьме Василиса Андреевна.

– Практически все слова здесь правдивы. Но не все упомянуты – например, нецензурные, – сказала женщина с белыми волосами и стальными глазами. Даша так сразу и прозвала ее про себя «стальная ведьма».

Судя по «высокородным» сергам, костюму, туфлям, она занимала в прокуратуре неплохой пост. Но кем бы ни был ее официальный начальник, прокурорская ведьма была неприкрыто горда тем, что находится в окружении начальниц истинных – двух Киевиц, дочери бывшей властительницы и присоединившейся к ним Главы Киевских ведьм.

И еще Даша заметила: все немногочисленные дневные по-

сетители кондитерской на Хмельницкого то и дело тревожно и нервно поглядывают на их «невинную» дамскую компанию... пятеро ведьм, включая примкнувшую к ним прокурорскую, представляли сильнейший магический круг, и его энергию можно было почувствовать как тепло или холод, голод или приступ удушья.

– Девушка была безнадежной. Алкоголь, наркотики, пьянки, разбитые машины, растраниженные родительские деньги, бесконечные истерики. Единственный ребенок в семье. Типичная папина дочка, избалованная им до полного исчезновения личности. Хотя сам он был добрейшим человеком. Содержал два детских дома, притом не афишировал это. Очень любил детей. Но воспитывать их не умел. Все свидетельские показания – их друзья, знакомые, прислуга в доме – говорят в один голос: его дочка была неуправляемой. Всех ужасает ее финал... Но он никого не удивляет. Вы меня понимаете?

– Нет, – потрянула головой Даша Чуб. – Убить папу или маму... и не удивиться. Это пипец!

– Но не слишком оригинальный, – сказала прокурорская ведьма. – Семейная ссора – лидер убийств. Согласно статистике чаще всего нас убивают не враги и преступники, а родные и близкие люди.

– Занимательно, – Катерина, все это время упрямо смотревшая в другую сторону, бросила на прокурорскую взгляд сквозь тьму очков. – Недавно я выяснила, что мои родители

были убиты... Но я никогда не подозревала родных.

– Если хотите, мы поговорим с вами об их деле отдельно, – с готовностью предложила ей помощь прокурорская ведьма.

Катя кивнула и снова принялась старательно разглядывать украшенную к осени витрину кафе – нашитые на тюль листья из коричневого и желтого бархата, слегка предвосхищавшие события рыжие тыквы с вырезанными в них глазами, носом и ртом главного персонажа Хэллоуина – старого Джека. Над потолком кофейни парили на нитках кукольные ведьмочки и бабки ёжки.

Василиса Андреевна тоже встревоженно посмотрела в стекло, открывавшее осеннюю улицу, и заметно успокоилась, увидев там солнце.

А Даша подумала, что под строгим костюмом прокурорской, наверное, прячется неприличная татуировка, магическому дизайну которой позавидовали бы все шлюхи в амстердамских борделях. А для свободного от прокурских дел времени в арсенале ведьмы имеются минимум два любовника. Один постарше – для карьеры и опыта. Второй молодой, племенной отборный брюнет без царя в голове – без заморочек и лишних утяжеляющих голову мыслей, способных помешать бесконечным любовным марафонам.

И постановила, что на ближайшем шабаше, встретив прокурорскую нагишом, непременно проверит свои догадки... как минимум на тему тату.

– Прошли уже сутки. Веру до сих пор не нашли? – дело-

вито осведомилась Глава Киевских ведьм, отпив кофе из маленькой чашки.

– И, скорее всего, не найдут, если, конечно, она не решит сдаться сама, – уточнила стальная ведьма. – Не я веду это дело. Но если дело – семейное, а у семьи достаточно денег... Вы меня понимаете? Мать и жених в шоке. Но оба они предпочитают не видеть ее никогда, чем увидеть в тюрьме. Если они и знают, куда она могла деться, они это скрывают. И сделают все, чтоб замять дело. Не думаю, что ее будут искать чересчур активно. Преступление раскрыто... А могу я узнать, – осторожно спросила она, – чем оно заинтересовало моих Ясных Пани? Если вы хотя бы намекнете мне о своих подозрениях, мне будет легче помочь вам.

– А что-нибудь в этом деле... или в этой семье показалось вам подозрительным? – сказала Василиса Андреевна.

– На первый взгляд нет. Я принесла все материалы, – ведьма из прокуратуры подвинула лежащую на столе папку, открыла ее. Сверху на документах лежало несколько снимков. – Фотографии можете тоже оставить себе. Это копии. Я успела отпечатать для вас, – она пыталась произвести впечатление своей исполнительностью, скрупулезностью, скоростью. Но, к несчастью, все ее прекрасные качества выявились бесполезными. На основании всего вышесказанного нельзя было сделать ни разумного, ни даже безумного вывода.

Катерина взяла верхнее фото: то самое, опубликованное

в газете, но более четкое. Неодобрительно хмыкнула. Сходство Веры с Духом Бездны стало еще очевидней. Но оттого попытка построить версию на одном только сходстве не стала казаться ей более разумной затеей, и сразу же после ухода прокурорской ведьмы Дображанская намеревалась спросить Чуб: «Ну, все? Теперь ты убедилась?».

– Вот ответ на ваш вопрос, – Акнир достала из сумки каталог аукциона и положила репродукцию рядом с фотографией.

Как ни странно, «Дух» произвел на прокурорскую ведьму такое впечатление, точно перед нею и впрямь открылись врата бездны и трехголовые церберы разинули свои рты идохнули трупным запахом задушенных ими грешников...

– О-о-о, теперь мне понятно!.. – восторженно прошептала она. – Я и не знала, что мои Ясные Пани обладают даром ясного видения.

Ведьма быстро взяла из папки еще одно фото и положила на стол. Это был снимок убитого отца с места преступления: немолодой русоволосый мужчина с алой раной в груди и рыжеватыми усами на сером лице лежал на полу в мучительной и неестественной позе... В той же самой позе, в которой неся в бездну другой человек, нарисованный Котарбинским, – усатый светловолосый мужчина, закабаленный объятиями Черного Ангела.

– Ну и чё? Теперь ты убедилась?! – чересчур гордо провозгласила Чуб, протыкая Катю победительным взглядом. –

Это ее отец! Он тоже нарисован! И что ты скажешь теперь? Один человек, похожий на картину, может быть совпадением, но ты часто встречала двух разных людей, похожих на одну картину, нарисованную сто лет назад?!

Дображанская взяла из стопки третье фото – еще не убитый отец с еще не ставшей убийцей дочерью – и приподняла очки.

– Я забыла сказать вам кое-что важное, – проговорила прокурорская ведьма. – Впрочем, это есть в принесенных мной документах, – быстро свела она свой промах на нет. – Вера... на самом деле ее зовут Ирина Ипатина... им не родная дочь! Приемная – ее взяли, когда ей было два года. Нужно узнать, кто ее настоящие родители. Ведь нынче Бабы!.. А Киевица Кылына мертва.

Катя вопросительно подняла бровь. Чуб загодя расширила глаза, готовясь принять в себя очередную чудесную новость. Акнир озаренно приоткрыла рот.

Солнце пропало, словно кто-то сверху взял и выкрутил лампочку.

– Некромант, – выдохнула Глава Киевских ведьм Василиса Андреевна. – Давно их не было в Киеве.

Катя подошла к зеркалу в Башне Киевиц, постояла, раз-

глядывая свое отражение, и принялась снимать кольца, будто они, дарующие магическую власть, мешали ей думать и сосредоточиться.

Дело дочери бизнесмена казалось Дображанской таким же раздражающе мутным, как мир, на который она вынуждена была смотреть теперь сквозь темные очки.

– Я так и знала, так и знала, – взволнованно говорила Василиса Андреевна. – Закат вчера был лиловым, перерезанным красной полосой. Клянусь, только вчера я подумала: скоро в Киев вернется старая беда! А позавчера эта девушка убила отца...

– Вчера и позавчера – несовпадение, – заметила Катя. – В чем вы пытаетесь меня убедить?

– Ни в чем. Ты сама все видела! – Даша сияла как юбилейная гривна.

– Насколько я помню, некроманты – люди, которые вызывают души умерших? – сказала Катя.

– И управляют ими, – надбавила Глава Киевских ведьм. – Стать некромантом может лишь ведьма или колдун, но отношение к ним и в наших рядах неоднозначное. По многим причинам. Первейшая – они слишком сильны, слишком опасны. Настоящего некроманта нелегко победить. Они повелевают душами мертвых, а те подчиняются своим, а не нашим законам. Иными словами, некромант повелевает теми, единственными, кто совершенно не подчиняется нам! – Глава ведьм посмотрела на Мирослава Красавицкого.

Маша и Мир, слушавшие весь их рассказ вполуха, выглядели сейчас почти неприлично довольными. История про «Духа Бездны» невесть почему подействовала на полугодовалого Мишу как колыбельная – раскапризничавшийся было ребенок уснул и теперь умиротворенно посапывал в синей коляске. И это, похоже, волновало его родителей больше всего.

– Взять хоть Мирослава, – продолжила Василиса. – Он – привидение! Он умер. Но остался жив. Он жив, пока жива его любовь к Ясной Пани Марии, и пока он любит ее – совладать с ним не может и сильнейший из нас, не может даже Хозяин. Поскольку никто из нас не в силах заставить его разлюбить Ясную Пани. Но если в Киеве родился некромант...

– Он может заставить Мира разлюбить меня? – рассеянно спросила Маша.

– Не может, – убежденно сказал Красиавицкий.

– Не может, – отзеркалила Маша. – Мир – уже часть моей души. Он – это я. Нас не разъединить. А привидение он – сугубо по собственному желанию. Я могу вернуть его из мертвых за десять минут. Но он ведь не хочет! – привычно пробурчала младшая из Киевиц, обладавшая даром воскрешения.

– Возможно, на Мирослава некромант и не окажет воздействия, – Василиса Андреевна благоразумно не стала заострять внимание на собственности одной из Трех Киевиц. – У вас своя особая история. Но сегодня начались Бабы-да-

Деды. В дома слетаются тысячи душ. Эти душечки ничем не защищены... И все они отныне в опасности!

– Из-за одного некроманта? – недоверчиво поджала губы Катерина Михайловна. – Я все равно не понимаю, почему вы решили, что неизвестная пьяная малолетняя убийца отца – некромантка, причем наивысшей пробы? Как это вытекает из сходства двух людей с дореволюционной картиной?

– Во-первых, Ирина – сирота, существо неизвестного происхождения. Во-вторых, родилась накануне Дедов. В третьих, в день совершеннолетия она совершила свое первое убийство, – перечислила признаки Глава Киевских ведьм.

– Не убедили, – упрямо качнула головой Катерина.

– Порез на небе всегда предвещает появление Некроманта – это в-четвертых! Скорее всего, Ирина не подозревала о своем страшном даре. Но он жил в ней, и этим объясняется вся саморазрушительность ее поведения. Жажда была у нее в крови, она не могла бороться с ней, как иные не могут...

– ...побороть желание купить серьги? – предположила Катерина.

– Наверное, – сравнение не показалось Василисе уместным, но говорить об этом старшей из Киевиц она не стала. – Или как вампир неспособен противиться жажде крови. Я понимаю ваши сомнения, Катерина Михайловна, вы просто не знаете, насколько некроманты опасны. Вы думаете, речь идет о невинных развлечениях вроде спиритизма и жалких дилетантах, пытающихся отдавать приказания духам? Но я го-

ворю вам о высшей некромантии! О некромантах, способных взять в плен души мертвых, украсть их из ада или даже из рая. Мы называем таких «коллекционерами». Чаще всего у украденных ими душ есть объединяющий признак: одни предпочитают души убийц, другие – влюбленных, третьи – души политиков или поэтов. Все зависит от вкусов и личных целей.

– А с какой целью можно украсть душу поэта? – заинтриговалась Даша.

– Для вдохновения.

– И любую душу можно поймать? Даже душу Владимира Маяковского?

– На Деды́ можно украсть душу даже у черта, – сказала Глава Киевских ведъм.

– А душу убийцы легко использовать для убийства... – развила мысль Катерина.

– Но Ирина заполучила душу отца, человека, любившего ее. Очевидно, больше всего она ценит души любящих. И раз уж зашла речь о душечках, – прервала себя сама Василиса, – великодушно простите меня, мои Ясные Пани, но у вас в Башне не горит даже камин. На Бабы́ в доме должен быть разожжен огонь, на который, как мотыльки, слетаются души, а на огне должна кипеть еда, чтобы их накормить. Вы позвольте нам с Акнир услужить вам и приготовить для ваших предшественниц подобающий пир?

– Пожалуйста, – с радостью пожаловала позволение Даша.

– Благодарю за честь. Акнирам, разводи огонь. Рецепт № 8.

Помощница Главы Киевских ведьм послушно кивнула и немедленно бросилась выполнять указание – хотя по силе дочь прежней Киевицы Акнир намного превосходила Василису, она всегда вела себя с той подчеркнуто уважительно.

– Я помнила, что нынче Деды, – сказала Маша, наконец оторвавшись от созерцания спящего сына, – но не знала, что к нам в гости явятся все Киевицы, которые были до нас, – Ковалева взглянула на Акнир. – И твоя мама тоже придет?

– Я не жду ее, – ответила дочь Киевицы, продолжая сооружать дровяной «домик» в камине.

– А помимо Ясных Пани к вам могу пожаловать и все ваши предки, – поведала Василиса.

– И мои родители? – игла в Катином сердце заныла. Она бездумно сняла очки. Пожалуй, следовало рассказать о проклятой стальной занозе и обретенной остроте взгляда присутствующим, но разобрать окруживший ворох событий и без того было трудно. – Мои мама и папа... Они тоже придут сюда? Я смогу их увидеть? Смогу узнать, кто их убил?..

– А отец Миши... он появится здесь? – с заминкой спросила Маша. И всем, включая неодушевленные предметы в комнате, стало понятно, что она стеснялась задать этот вопрос из-за Мира. – Ведь он его предок.

– Мы никогда не знаем, кто именно почитит нас визитом, – дипломатично сказала Глава Киевских ведьм. – Потому в та-

кие дни мы ждем всех.

– А я знаю, как их увидеть! – встряла Чуб. – Мне Акнир рассказала. Чтоб узнать, пришел ли покойник в гости, нужно сесть на печь и смотреть на дверь через лошадиный хомут. Или выйти на улицу и посмотреть в дом сквозь замочную скважину или через окно. И, между прочим, нашу толстую Белую Даму люди с улицы видели именно через окно. Я вам говорю, она здесь! И кошки на нее среагировали!..

– Толстая Дама? – озадачилась Василиса Андреевна, успевшая раздвинуть стол и покрыть его домотканой вышитой скатертью, в центре которой она торжественно водрузила расписную ритуальную свердь. – Кто же это мог быть? Вроде бы все Киевицы были достаточно стройными...

Раздался сухой неприятный треск – глиняная свердь в центре стола треснула и развалилась на три равных части.

– Видите! – всколыхнулась Даша. – Это она! И ей не нравится, что ее обзывают толстой. Не понимаю, неужели вы никогда не слышали о привидении Белой Дамы? – требовательно спросила Чуб Василису. – Вы должны о ней знать! Вы же преподаете в университете историю!

– И все же на ваш вопрос мне трудно ответить. А кроме того, пора начинать приготовление. Не стоит гневить невниманием Душек. Особенно, если они столь сильны, как души покойных Киевиц. Прошу извинить меня, – собрав осколки сверди, Василиса Андреевна с важным видом удалилась на кухню.

Еще раз убедившись, что ее сын погрузился в сон, Ковалева подошла к тонконогому бюро, где возлежала большая, не слишком удобная для чтения Книга Киевиц, и открыла ее столь легко и привычно, что сразу стало понятно: Маша и книга на короткой ноге, точнее – на короткой руке. Казалось даже, что книга открылась, не дожидаясь прикосновения, как кошка, подстраивающаяся под руку хозяина, страницы с тихим шуршанием сами побежали слева направо, как дети, с хихиканьем уворачивающиеся от щекотки.

Но секунду спустя Книга угомонилась, стала чинной, серьезной и, открывшись на странице с названием «Некромантия», оказалась солидарной с Главой Киевских ведьм, явно пытаясь запугать свою Киевицу:

Ясная Киевица, лучше тебе никогда не встречать Некроманта на своем пути, особенно в дни Уробороса, именуемые Мамки-Деды.

Помни, что мертвые в эти дни сильнее живых и ни одно заклятие нашего мира не подчинит того, кто живет в мире ином...

Акнир подбросила последнее полено в уже разгоревшийся огонь, встала с колен, отряхнула серебристые леггинсы:

– Вам стоит послушать Васю. Она славится умением гадать на громах и закатах. Я верю ей: в Город вернулись старые беды.

– Старые?

– Моя мать, Киевица Кылына, запретила некромантам

входить в Киев. Мама любила людей и считала, что каждый слепой вправе сам выбирать между Небом и Землей, и их души – не игрушки для ведьм. Но теперь ее нет, вы не издавали запрет. А до запрета испокон веков некроманты приходили в Киев на Бабы-да-Деды. Имеющие третье негласное название – дни ловцов душ. Они шли в Святой Город воровать души монахов и богомольцев...

– Вчера кто-то раскопал на Замковой горе могилу монаха! – громко вскрикнула Даша. – Так в газете написано, – Чуб схватила и подняла над головой полотнище «Неизвестного Киева».

– И вновь нестыковка, – спокойно сказала Катя. – Если ваш новый некромант любит души любящих, при чем тут монах, который умер сто лет назад? Как он мог любить ее?

– А как сто лет назад ее мог нарисовать Котарбинский? – лихо отбила возражение Чуб.

– Похоже, мы знаем точный адрес разгадки – сто лет назад, – улыbnулась Маша. – Но нестыковка все-таки есть, – заговорила в ней студентка исторического факультета, пусть и пребывающая в официальном декрете. – Журналисты ошиблись. На Замковой горе не могло быть могилы монаха. Разве только монашки. Флоровский монастырь, которому принадлежало церковное кладбище, – женский. Но там хоронили и обычных гражданских людей: мещан, купцов, профессоров, возможно, художников, которые жили в доме напротив...

– Художников? – полувопросительно-полувосклицатель-

но вскрикнула Даша. – А где во-о-ще похоронен ваш Котарбинский?

– А я хотела бы знать, при чем здесь Котарбинский вообще? – поджала губы Катя. – Не слишком известный художник, умерший в...

– ...1921 году, – сказала всезнающая Маша Ковалева. – В Киеве, – ответила она заодно и на Дашин вопрос. – Его могила должна быть где-то здесь. Я точно не знаю... Даша, ты думаешь, некромант раскопал его могилу на Замковой?

– Она ждала его сотню лет и пришла за ним! – ухнула Чуб. – Я так и вижу эту историю... сто лет назад в Киеве жила некромантка, она любила Котарбинского... но что-то у них не срослось капитально... Случилась трагедия... Она умерла, он умер... Но она возродилась и таки нашла его душу!

– Все. С меня достаточно пустых предположений, – решительно пресекла фэнтезийный поток Катерина. – Я сама схожу к нему в Прошлое только для того, чтоб закрыть этот вопрос. Сегодня мы празднуем день рождения Маши. И никакое рождение нового некроманта нам не помешает! – Дображанская отодвинула один из книжных шкафов, обнажая тайную кладовку, заполненную костюмами разных времен.

Маша Ковалева с некоторой тревогой посмотрела на Катю, уже извлекавшую из фанерной шляпной картонки скромную дорожную шляпу.

«Помни, что мертвые в эти дни сильнее живых и ни одно заклятие нашего мира не подчинит того, кто живет в мире

ином...» — зазвучали в ее голове тревожные строчки.

— Осмелюсь заметить, Катерина Михайловна, вам не стоит беспокоиться о смене костюма. Разве что о небольших деталях, — Акнир сняла с полки в кладовой плоскую коробку с перчатками и небольшой продолговатый футляр из потертой коричневой кожи — в нем лежали старинные очки с золочеными дужками и круглыми темными стеклами. И Катя поняла, что дочь Киевицы догадывается, зачем Дображанской понадобилась защита для глаз! — В остальном ваш костюм весьма точно соответствует той эпохе, — сказала она, услужливо набрасывая мантию на Катерины плечи. — А в мелких нюансах моды мужчины не разбирались ни тогда, ни сейчас.

— Ты полагаешь? — Катя заглянула в зеркало.

Показалось ли ей, или осколок бриллианта в ее броши стал больше?

Глава четвертая

Художник

Октябрьская осень еще не успела прослыть среди киевлян злой и холодной дамой, и в маленьком золотоворотском сквере рядом с Домом Киевиц было много людей.

Небольшая очередь стояла у киоска с горячим кофе. Вокруг небезызвестной панночки с длинной косой собиралась очередная экскурсия. Стекланный ящик для буккроссинга был закормлен книгами (что случалось с ним не особенно часто), и пару студенток энергично перебирали его сокровища. А у подножия лесенки к памятнику Ярославу Мудрому,

больше известному в народе как «Дядя с киевским тортом», пел под гитару немолодой человек:

А в Киеве осень, осень...

Выйдя из дома, Катя прошла мимо них, не замечая всю эту привычную суету, повторяя про себя азы из Википедии: «Котарбинский Вильгельм Александрович. Жил и умер в Киеве... При жизни считался одним из ведущих символистов Империи... Невзирая на большие гонорары, так и не приобрел собственный дом, на долгие годы поселившись в отеле “Прага”... Незадолго до смерти перебрался в дом своего давнего друга – Эмилии Праховой».

На «давнем друге» крохотный сквер у Золотых ворот был пройден, Катерина Михайловна остановилась у перехода на перекрестке Владимирской и Прорезной. Ее предложение сходить в гости к художнику самой и закрыть вопрос мало чем отличалось от намерения сходить в соседнюю комнату.

От обители Киевиц – стройного розового дома-замка на Ярославовом Валу, 1 до угла Владимирской улицы было примерно 200 шагов, еще столько же – и Катя оказалась у зеленоватого здания № 36 бывшего отеля «Прага», закрытого на бесконечный ремонт.

Второй этаж дома был подпоясан длиннейшим балконом с великолепным черным литым узором. Стекла первого этажа еще хранили память о канувшем в Лету ресторане. На-

рисованная на стекле улитка искренне ратовала «за неспешную еду». Реклама – «Ассортимент ограничен лишь вашим аппетитом» – зазывала в совершенно пустое, безлюдное помещение. А столь же пустынная застекленная макушка 6-го этажа вспоминала другой – знаменитейший в прошлом веке ресторан на крыше и пропечатанную в дореволюционных газетах рекламу:

«Тот, кто не любовался панорамой города с террасы отеля “Прага”, – не видел Киева!».

Над запечатанной дверью центрального входа еще держалась надпись «готель», а над ней сияла громадная афиша о продаже старого дома... Но запертая дверь не могла остановить Киевицу – Катя сунула магический ключ в замок и привычно прочитала на входе заклятие именем Города, повелевая: «Дай мне час, который должно узнать». Просить более конкретно не имело смысла: сам Город Киев лучше других знал, какой день и миг из жизни Вильгельма Котарбинского поможет Киевицам решить возникшую загадку.

И на данный момент достойным внимания Катерине Михайловне казался лишь один неразъясненный вопрос: загадочное появление семьи Ипатиных на картине, написанной в прошлом столетии. (Как ни старалась Василиса Андреевна, ей не удалось застрашать Старшую из Киевиц некромантами... Куда больше Катерину пугал ее собственный новоявленный колюще-режущий взгляд!)

Что ж, поглядим... – сказала себе Катерина Михайловна

и надела темные очки с круглыми стеклами, не желая искалечить кого-то своим излишне пристальным «поглядом».

Высокие двери мертвого киевского отеля поддались руке Киевицы и, шагнув за порог, Катя узрела совсем другой колленкор: сияющий, натертый до блеска холл одной из перво-разрядных гостиниц старого Киева.

У стен стояли мягкие кресла и столики с огромными пальмами. Пол был натерт до сияющего блеска, и Катя порадовалась, что в ее осени XXI века нет ни дождя, ни луж, иначе, позабыв про галоши, она бы немедленно выдала себя грязным следом.

Судя по огромным, как свадебные торты, шляпкам дам, линиям корсета и высоте талий на облегающих фигуру платьях – здесь царил 1911 год.

Судя по тому, с какой готовностью восседавший в кресле увесистый генерал опустил газету «Киевлянин», а его сосед, по виду богатый фабрикант, принялся подкручивать ус – оба сходу вынесли вердикт по красавице Кате: «Да за такую миллион отдать не жалко!».

Но Катин взгляд лишь скользнул по ним, как и по раскидистым пальмам и по висевшему в холле объявлению, предлагающему всем гостям «Праги» в «бесплатное пользова-

ние театральные бинокли и зонтики от дождя», устремился к лифту... и стал задумчивым.

На каком этаже проживает Вильгельм Котарбинский, Википедия даже не подозревала.

Катя направилась к стойке, за которой высился солидного вида усач в щегольском галстуке и белой манишке, чем-то неуловимо напоминающий «благородного отца» с аукциона.

– Я пришла к художнику, Вильгельму Александровичу Котарбинскому, – царственно объявила Катерина Михайловна.

Ее красота, стать, блеск драгоценных камней, как обычно, произвели впечатление – повелитель стойки и множества помеченных медными номеркам ячеек восторженно.

– Безмерно счастлив вам услужить. Акимка, проводи барыню к живописцу... да поторопись-ка! – сказал портье с едва заметным иностранным акцентом.

Юркий мальчишка в форме с блестящими пуговицами и тенью щетины, уже наметившейся над его верхней губой, быстро поклонился красивой барыне, вздрогнул, зарделся, повстречавшись с нестерпимо красивым Катиным лицом, и дернул кадыком, пытаясь отогнать наваждение.

«Даже очки не помогают, – отметила Катерина Михайловна. – Лучше бы надела густую вуаль. Нет, в вуали и очках – уже совсем перебор!»

– Соизвольте пройти-с со мной к подъемной машине, – засуетился Акимка.

Следом за Катей и мальчишкой в лифт otis зашла веселая компания – два офицера и три дамы. Катя благоразумно повернулась к ним спиной, дабы избежать очередных армейских комплиментов.

– На крышу! – отдал приказ лифтеру штабс-капитан таким тоном, будто посылал беднягу в атаку, и продолжил, обращаясь уже к своим спутникам: – Это первейший вид на весь город, и сам ресторан недурен... рябчик прелестен! – от штабс-капитана пахло табаком, коньяком, березовым бальзамом Зеегера от выпадения волос и почему-то канифолью.

«Подъемная машина» остановилась. Акимка повел барыню по узкому коридору с одинаковыми белыми дверями в стиле модерн – в каждой из них было небольшое круглое окошко, делавшее отель похожим на огромный корабль... и Катя подумала, что всего через три года красивое и нарядное «судно» «Прага», на борту которого Вильгельм Котарбинский провел свою беззаботную киевскую жизнь, зайдет в темные воды Первой мировой войны, а еще через три – погрузится во мрак революций.

– Вот-с его номер, извольте... прикажете постучать?

– Нет, можешь идти.

Катерина наградила подростка прихваченной монетой царских времен – Акимка взглянул на великодушный дар, но, кажется, даже не оценил ее щедрости.

– Не гневайтесь, барыня, великодушно простите за дерзость, – дрожащим голосом вымолвил он, – но вы самая-са-

мая прекрасная дама, какую я видел и... от того, что вы слепая, вы только еще красивей!

– Слепая? – с облегчением рассмеявшись, Катерина Михайловна сняла очки. – Ступай, ступай, – наказала она Акимке, восхищено уставившемуся на прозревшую барыню.

Он попятился, силясь оторвать от нее взгляд.

Насколько Катя знала, в 1911 году слепые еще не носили темных очков, как не носили их и красивые дамы.

Но своим предположением мальчишка опередил время, точно так же, как и Катя, заявившаяся в темных очках, которые, не без помощи Коко Шанель, войдут в дамский моду только несколько десятилетий спустя...

А, впрочем, кто знает, может, теперь первым дизайнером затемненных дамских очков станет Акимка, навечно сохранивший в душе образ красивой очкарички?

И все же Катерина Михайловна Дображанская сочла нужным переместить очки обратно в футляр, дабы не свести весь визит к Котарбинскому к обсуждению оптических новшеств.

Дверь номера не была заперта. Гостья толкнула ее и оказалась в просторной и светлой комнате посреди заправлявшего в ней художественного и антихудожественного беспорядка.

С высокого, зашитого деревом потолка свисали разно-

мастные люстры, по комнате разбежались тонконогие венские стулья, под лавкой у стены пряталась живописная куча творческого мусора: сломанные подрамники, ветошь, обрывки бумаг, коробки из-под спичек и папирос из лавки Соломона Когена, заметенные туда «аккуратным» хозяином. Но все это показалось неважным...

Стоило Дображанской войти, как ее обступили картины Вильгельма Котарбинского, – обступили, перешли в наступление и победили ее сразу. Их было множество, одни стояли на мольбертах, иные прямо на полу у стены, третьи висели под потолком.

Одни были огромны, почти на всю стену, иные – в Катин рост, третьи невелики – но все вместе они производили колоссальное впечатление калейдоскопом фантастических образов. Русалки и мятежные души, мистические и inferнальные дивы, перемешанные с христианскими сюжетами. Насколько художник бесконечно плодовит, было видно по одной этой комнате-мастерской – больше похожей на музей или выставочный зал...

Возбужденный голос хозяина мастерской долетел из соседней комнаты:

– Вот так, моя милочка... Ах, какая милая головка... Взгляните на меня... Какой взгляд... Какая прелестная меланхолия...

По-видимому, живописец пребывал там сейчас тет-а-тет с какой-то миловидной натурщицей и, помня, что последние

позируют не только в одежде, но и без нее, – Катерина решила быть вежливой.

– Вильгельм Александрович... – позвала она. – Простите, что я без стука. Дверь была открыта... Я к вам по делу.

– Ах, какой чудный я слышу голосок... Кто у нас здесь?

Вильгельм Котарбинский немедленно появился на зов. Он был уже немолод, но подтянут, светлоглаз и весьма приятен на вид, с волнистыми белокурыми с сединой волосами, прекрасно прорисованными бровями, небольшой бородкой и мягкими обходительными манерами, мгновенно обволакивающими тебя, словно ласковый теплый гостеприимный плед.

– О! – восторженно встретил он красавицу Катю и машинально поправил свою испачканную краской широкую рабочую блузу. – Рад, очень рад принимать у себя таких восхитительных дам. Я еще не видел на Киеве подобных красавиц... Вы по делу... Как обычно? Портрет?

– Да... Я хотела бы, – Катя отметила, что, поляк по происхождению, Вильгельм Котарбинский путается в единственном и множественном числе, но во всем остальном он произвел на нее самое благоприятное впечатление.

Он походил на человека, взаимно влюбленного в жизнь сразу во всех ее проявлениях!

Перед приходом сюда ей удалось найти в сети очень немного информации о нем, но хватило и того небольшого, чтобы понять: Котарбинский был неисправимым романти-

ком. В юности влюбился в кухню и в живопись. Жениться на первой воспрещала суровая католическая вера, стать живописцем – запретил шляхтич-отец. Тогда юноша просто сбежал из дома в Рим, где вскоре получил звание «Первого Римского рисовальщика». Приехав в Киев, после росписи Владимирского собора он легко и быстро вошел в моду. Рисовал тоже – легко и быстро. Зарабатывал легко и быстро тратил деньги. Все же женился на своей кухне, но легко и быстро разошелся с ней...

И сейчас тоже воспринял Катин визит легко и быстро перешел к делу:

– Чудный свет... Я прошу вас сюда. Я сделаю сейчас небольшой набросок.

Катерина Михайловна послушно встала на указанное художником место. Котарбинский подбежал к одному из мольбертов, сбросил с него незаконченный рисунок прямо на пол, взял чистый лист, схватил карандаш и принялся за работу.

– Ах, до чего ж вы красивы... Я даже не знаю кто вы: го-плана, царица ночи? Сама красота – Елена Троянская? Клянусь, вот это и есть истинное счастье творца – запечатлеть на бумаге такую диковинную красоту... и такой дивный контраст... – с наслаждением проговорил он.

Головокружительная скорость исполнения заказа изумила Катю – однако, не слишком. Возможно, увидев даму в дорогих украшениях, художник сразу уразумел, что она бу-

дет щедрой. А возможно – и даже скорее всего, как и прочие, был сражен наповал красотой темноглазой Катерины Михайловны Дображанской и, как случается с творческими людьми, понесся за новым вдохновением, забыв про престленицу в соседней комнате. Последняя же наверняка модель, работает за деньги, а значит, будет ждать сколько угодно.

– Придвиньтесь, прошу вас... – сказал он.

– Придвинуться к чему? – спросила Катя.

Художник не ответил на вопрос, увлеченный работой.

– Я никогда не видел таких фантастических дам... Нет... Таких, как вы, никогда... Только сегодня... Упоительный день, вы не находите?

Катерина невольно обратила взор к тусклому дню за окном – там начал моросить мерзкий и мелкий дождик – трудно было придумать погоду противней. Но Котарбинский был увлечен даже сегодняшним днем.

«Врубель для бедных», – вспомнила определение Катя. – Но в жизни он скорее уж Врубель наоборот...»

Вильгельм Александрович и Михаил Александрович. Оба поляки по крови. Оба выбрали путь живописца, вопреки воле родителей. Оба приехали в Киев расписывать собор по приглашению профессора Прахова. У обоих была несчастная первая любовь... Но Врубель увидел в ней бездну. А для Котарбинского даже печаль стала светлым вдохновением. Оба сошлись с женой профессора Эмилией... Но для

первого она стала той самой неразделенной любовью – его собственным ангелом ада, а для второго – ангелом-покровителем, лучшим другом, Вильгельм умер в старости у нее на руках.

Дивный пример, как одни и те же люди и вещи могут стать горем одного и счастьем другого. Как в горе может прятаться страшное счастье, а в счастье – страдание.

Именно способность проваливаться духом в бездонные миры породила гений Врубеля. А творчество Котарбинского оказалось таким же поверхностным или, скорее, парящим – легким, как его нрав.

За исключением разве что одного полотна – Черного Ангела с лицом прекрасного чудища, с глазами, полными темной бездны... Той самой бездны, которой были наполнены взгляды всех персонажей картин Михаила Врубеля.

– Маша, что ты делаешь?! – вскричала Чуб, едва не выпустив из рук принесенный из кухни поднос с ритуальной едой: коливом, запавленным медовой сытой, и горячими пирожками.

С трудом уместившись в узком пространстве, упершись ногами в мраморный портал камина, Маша сидела на каминной полке и напряженно смотрела на дверь через лошади-

ный хомут.

– Ты чё, хочешь увидеть привидение? – раскусила ее Даша Чуб.

– Ты сказала, кошки на кого-то шипели, – оправдалась Ковалева. – И свербь лопнула. Здесь кто-то есть. Кто-то уже пришел к нам...

– Ты его ждешь? Врубеля, да?

– Не обязательно... – белокожая Маша порозовела до корней рыжих волос.

– Ладно трюндеть! – поставив поднос, Чуб подошла к подруге и помогла той спуститься на пол. – Хочешь увидеть его, так и скажи. Мира ведь нет. И ты тоже, – обратилась она к Акнир, появившейся в дверях с круглым трехногим металлическим горшочком в руках. – Неужели так трудно сказать, что ты хочешь увидеть покойную маму? Это ж нормально! Зачем шифроваться?

– Хочу, – сухогато подтвердила дочь бывшей Киевицы.

Акнир поставила горшок с тремя ножками в виде когтистых лап в камин на огонь. Красноватая, похожая на борщ жидкость в горшке забурлила. Из кухни в комнату уже доносились другие невероятные запахи – готовить Василиса была мастерица. Оставалось надеяться, что часть яств, предназначенных мертвым, достанется также и живым.

– Ну и чего было врать? «Я не жду ее, не жду», – передразнила Даша.

– Хочу. Но не жду, – подтвердила Акнир. – Души умер-

ших никогда не приходят без надобности. Либо душечкам плохо на том свете, и они не могут найти там покоя. Либо хотят предупредить, что плохое случится с тобой. И, понятно, я надеюсь, что маме там очень неплохо, а мне будет неплохо жить тут. Но как дочь, конечно, хочу ее снова увидеть...

Ведьма воровато и быстро оглядела круглую комнату Башни, словно спрашивая: «Мама, может, ты все-таки здесь?» – и резко мотнула головой.

– А я приняла сегодня решение, – то ли создалась, то ли повинулась Маша Ковалева. – Я не хочу рассказывать сыну о его настоящем отце, по крайней мере, пока он не вырастет. Но если к нему на Деды будет ежегодно приходить привидение Врубеля...

– Твое решение – по боку, – поняла Даша Чуб.

– И я не могу винить Врубеля – ведь он придет не ко мне, а к сыну... Ведь там, в Прошлом, его единственный сын Савушка умер. Мне кажется, Врубель хотел бы узнать, что не остался бездетным, что у него есть наследник... Он может почувствовать это и прийти. Или мне все же лучше самой пойти в Прошлое и сказать ему? Но если скажу – должна показать ему сына. А если покажу – должна сказать Мише, что у него есть настоящий отец, и это – не Мир. А если я скажу так, Мир может обидеться, ведь он называет Мишу «мой сын». А если не скажу...

– Мамочки, Маша, какая же ты заморочливая! – возопила Чуб. – Скажи прямо, ты хочешь увидеть Врубеля?

– Нет... Да... Я не знаю. Я хочу, чтобы всем было хорошо! – абсолютно честно сказала та.

– Возможно, Мишин отец и придет, – сказала дочь Киевицы. – Незаконченные дела – одна из самых распространенных причин, по которой душечки не находят успокоения. Вторая – желание предупредить об опасности. Видите, пар, – показала она на кипящий трехногий горшок. – Если однажды он станет красным... – Акнир замолчала.

В Башне образовалось привидение Мира Красавицкого с серой потертой книгой в руках.

– Пришлось позаимствовать ее из Парламентской библиотеки, – со смехом сказал он. – За полдня они вряд ли заметят пропажу. Издана в 1958 году, с тех пор не переиздавалась. Воспоминания сына Эмилии Праховой – единственная книга³, в которой есть хоть какая-то полная информация о Котарбинском. Как ни странно, о нем почти ничего не известно. Все знают его мистические сюжеты. И почти никто не знает его самого. Я так и не смог узнать ничего о его браке. Хотя история странная... Тут написано, что он женился на собственной кузине, в которую был влюблен всю свою жизнь, привез ее в Киев. Но никто не видел ее лица: она всюду ходила под вуалью. Друзья шутили: мол, эта кузина, наверное, такая страшная, что ее пугаются лошади...

³ После выхода «Ангела Бездны» в 2012 г. о Вильгельме Котарбинском издано несколько альбомов. Фрагмент первой полной биографии художника читайте в конце второй книги.

– «Жена моя, красавица, по улицам шатается, извозчики ругаются, что лошади пугаются»? – вопросительно выговорила Маша разудалый куплет.

– Да. Эту песню пел один из братьев Сведомских, когда подшучивал над Вильгельмом, – кивнул Мир. – А откуда ты знаешь?

– Я сама это слышала! – Маша присела в кресло, в задумчивости приложила указательный палец к виску. Поморгала рыжими ресницами, посоветовалась взглядом со своими домашними тапочками и, видимо, пришла с ними к полному согласию во взглядах. – Катя зря сомневалась в Дашиной версии, – сказала она. – Наш Город сам указывает нам на Вильгельма Котарбинского... Сегодня утром я была в Прошлом, во Владимирском соборе, – пояснила она. – И из множества возможных историй Киев показал мне лишь эту. Я слышала, как Сведомский назвал жену Котарбинского Черным Духом. Незримым! Он не знал, как еще объяснить, почему она прячет лицо от людей... Он шутил.

– Только нам не до шуток, – сказала Акнир. – Все сходится! Черный Дух...

– Дух Бездны! – вскрикнула Чуб. – Это она... А Котарбинский случайно не похож на зарезанного бизнесмена с усами?

– Ничуть, – Красавицкий предоставил всем опубликованный в книге портрет молодого приятного мужчины с усами, аккуратной бородой и волнистой густой шевелюрой. – Тут сказано, – Мир показал на книгу, – что однажды загадочная

жена Котарбинского просто исчезла. Всю оставшуюся жизнь он прожил в Киеве один. Все решили, что их брак не задался и супруга вернулась в Польшу. Но я не смог отыскать никаких сведений о ней. Ни где она жила, ни когда умерла...

— ...до или после их свадьбы, — многозначительно завершила Даша. — А вдруг его невеста изначально была призраком?

— Но, с другой стороны, прятаться под вуалью можно и по вполне реальной причине, — сказала Маша. — Например, ее лицо было изуродовано оспой. А он любил ее в молодости и женился на ней, несмотря ни на что...

— Или у нее просто не было лица! — изрекла Даша Чуб. — Один черный незримый дух. И лишь один Котарбинский знал в лицо Духа Бездны! — окрыленно прибавила Даша. — Писал его и, возможно, был даже женат на нем...

«Ну, разве эта супруга и впрямь некий незримый дух... Как раз в его вкусе! Влюбиться в привидение — это как раз в духе нашего катара», — вспомнила Маша.

Интересно, почему друзья называли Котарбинского катаром? Ведь катары — еретики. Они считали, что мир разделен на добро и зло. При том весь реальный, материальный мир — это зло, и прекрасен лишь мир бестелесный, духовный.

— Так кто же тогда жена Котарбинского, некромант или призрак? — запуталась Маша.

— Может, призрак некроманта. Не знаю... — Акнир казалась возбужденной. — Василиса рассказала вам не все.

Некроманты способны управлять душами мертвых. И не только чужими. Некоторые могут управлять и своей собственной душой после смерти. Потому мертвый некромант иногда опасней живого. Он уже абсолютно не подчиняется нам. И способен подчинить себе любого слепого – любого человека. Причинить ему вред. Убить его. Забрать его тело. Это значит...

– А это что-нибудь значит? – прервал ее Мир, указывая на горящий камин.

Пар над котелком стал розовато-красным. Пару секунд Акнир молчала, затем промолвила:

– Вот вам и первое предупреждение! Кто-то из близких сегодня умрет.

Маша побледнела и бросилась к коляске спящего сына.

– Близкие – не только друзья и родные, – сказала юная ведьма. – Близкие – те, кого мы принимаем близко к сердцу. О ком вы трое думали сейчас, в данный момент? Точнее, полмомента тому... – взыскательно спросила она.

– Я – о Маше, – сказал Мир.

– А я – о Мише, – призналась Маша. – Об обоих. Отце и сыне. И о Мире, конечно, – поспешно добавила она.

– А я – об этой Ирине, – сказала Чуб. – У нее же через неделю свадьба... должна была быть. У нее был жених. Он, бедный, тоже собирался жениться на Духе Бездны, как и Котарбинский!

– Ты думала о ее женихе? – быстро уточнила Акнир. – И

я – тоже! – радостно вскрикнула ведьма. – Мы обе... Значит, красный дым в его честь. Ему угрожает опасность!

– Тогда поспешите, – возникшая на пороге Василиса Андреевна держала в руках поднос со множеством сверкающих серебряных кубков. – Помните, что я говорила?.. Первой некромант получила душу отца. И если это не случайная жертва, если больше всего она ценит души любящих, ее второй добычей станет мать, а третьей – жених. Или наоборот. В зависимости от того, кто любил ее больше.

– Так давайте тупо очертим их всех Кругом Киевиц и не будем париться, – Даша посмотрела на пар-предсказатель – вышел хороший каламбур.

– Но у вас мало времени, – прищипорила их Глава Киевских ведьм. – Скоро Киев накроет туман... А вместе с ним к вам слетятся гости.

– Примерно так? – Мир Красавицкий уже сидел за компьютером, изучая одну из многочисленных интернет-галерей с работами Котарбинского.

На экране перед ним стоял снимок черно-белой дореволюционной открытки. Из забытого, заросшего цветами могильного холмика вылетал чей-то грустный крылатый дух. Возможно, как раз для того, чтоб заглянуть к своим на Деды.

«Интересно, имеют ли бриллианты душу? И если да, какая душа живет в них? Столь же прекрасная, как они сами? Или в каждом бриллианте, словно в окаменевшем бездонном озере, прячется черт? Или сам Дьявол? Иначе как объяснить странную и непреодолимую страсть людей к небольшим сгусткам обычного углерода? Как объяснить, что ради них век за веком люди предают, лгут, убивают? Как объяснить, что я не могу не думать о них?.. Как же мне заполучить эти чертовы серьги?!»

Катерина недовольно повертела затекшей шеей и вернулась в прежнюю позу – быть натурщицей оказалось совсем нелегко.

– Чудесно... чудесно... – Вильгельм Котарбинский с удовольствием посмотрел на сотворенный набросок и принялся самодовольно подкручивать светлый ус. – Признаться, я люблю эти серые дни... В такие дни как никогда понимаешь, что ничего невозможного нет. Все возможно. Все совершенно. И почти все в мире так прекрасно, непознано... И вокруг нас даже не мир, а миры. Просто одни из них видимы, а иные невидимы. Одни – бесконечно велики, а другие – бесконечно малы. И кто знает, возможно, существует другая планетная система, подобная Солнечной, но размером с мизинец моей левой руки. А в этой малой системе планет – тоже есть Земля, на Земле – Киев, в Киеве – Владимирский храм, а в нем сидят, вот в эту минуту, Котарбинский, Сведомский и Васнецов? Мы сидим там сейчас и пишем картины... Ибо

все существует в одночасье. Ведь так? – окунул он ее в радостную голубизну своих глаз.

– Вполне возможно, – сказала Катя.

И подумала: «Странными же речами он развлекает заказчиц. Впрочем, не такими уж странными для художника фантастического жанра и романтического склада ума. Ему положено быть странным».

Маша рассказывала: Врубель тоже был странным – мазал нос зеленой краской, бродил по Киеву в ренессансном костюме. Но для Врубеля творчество стало темным провалом, приведшим его в сумасшедший дом. В Котарбинском же больше всего Катю поражало то, как он буквально излучает вокруг себя радость творчества – казалось, из него исходит незримый свет, сделавший неубранную комнату с серым дождем за окном радостно-солнечной.

– Прекрасно. Да, это прекрасно... – он отошел от мольберта на пару шагов, затем взял лист картона и приблизил к глазам. – А вы совсем не похожи на мать.

– Что?! – потрясенно выдохнула Катя. Ее окатило разом и холодом, и жаром. – Вы знали мою мать? Но откуда?.. Когда?..

Ответом был громкий топот. Незапертая дверь распахнулась – в номер влетел мальчишка в картузе и старом, не по росту пиджаке, аккуратно заштопанном на локтях. В углу его рта притаилась память о последней проказе – пятно розоватого варенья. Но в огромных осоловевших глазах уже засты-

ли стеной слезы:

– Вильгельм Александрович... Беда... Беда у нас... – его картуз был великоват, сползал на нос, и малец то и дело поправлял его, вновь и вновь выныривая из-под козырька. – Беда большая... Ася скончалась!!! – отчаянно заголосил прибывший.

– Как же?.. Когда? – руки художника опустились, глаза неуверенно погасли. – Я же только сегодня... нынче утром был... и она... – он вдруг покраснел, точно вспомнив неприличную сцену, тряхнул головой. – Не понимаю... как же возможно?..

– Умерла, умерла, – в отчаянии подтвердил пацаненок, пританцовывая в нервозном нетерпении, и Катя заметила, что один его сапог «просит каши», другой покуда «держит рот на замке». – Авдотья Васильевна за вами послала... Им шибко помощь нужна. Не в себе она – плачет, рыдает, божиться себя жизни лишит! А вы помочь обещались.

– Да... Я бегу... бегу! Ах, как жаль... Как мне жаль... – художник обратил взор к Катерине. – Умоляю простить. Возможно, в следующий раз... Если вы снова придете...

– Простите, вы что-то сказали про мою мать?.. – взволнованно напомнила Катя и замолчала, осознав, что в контексте новости о чьей-то внезапной кончине ее задерживающий вопрос неуместен.

– Приходите обе, – художник не слышал ее. Глаза, секунду тому бывшие светлыми, потемнели, лицо заоченело от

бесконечного горя, уже вползающего в его душу холодной змеей.

– Я приду, – пообещала Катя. – Когда вам удобно?

– Завтра, если вам будет угодно... Простите.

– Я все понимаю, – в этом Катя завершила уже совершенно пустую комнату.

Художник исчез из номера вслед за мальчишкой в картузе. Кажется, в смятении чувств Котарбинский так и не выпустил из рук набросок ее портрета – мольберт, за которым он работал, был пуст. Катя без особой надежды поискала рисунков среди вороха бумаг на столике рядом и махнула рукой.

– Вы слышали? Он ушел... – подождав, окликнула Катя натурщицу в спальне.

Та не ответила.

Катерина заглянула во вторую – смежную – комнату, и оказалась в небольшой узкой спальне. У стены стояла неубранная кровать со смятой постелью. На прикроватном столике лежали книги и портсигар, тикали часы в изящном подчаснике.

Никакой модели здесь не было!

Не сдержавшись, Катерина нагнулась и заглянула под кровать – пусто. Теоретически девица могла сбежать через окно – но плотно закрытые рамы и третий этаж делали версию маловероятной.

Чье же милое личико он так расхваливал? Она явственно слышала это! И посреди комнаты стоял мольберт – на нем

Катя увидела быстрый карандашный набросок девушки с арфой. Дображанская взяла его в руки и тут же отбросила, забыла о нем...

Под изображением арфистки лежал еще один лист, с другим рисунком – хорошо знакомый Катерине сюжет «В тихую ночь»: душа девушки в объятиях темнокудрого ангела.

И все же рисунок существенно отличался от приобретенного ею на аукционе.

– Не может быть!.. – вскрикнула Катя.

Глава пятая

Дом-монстр

Дом, где посчастливилось (?) жить семье Ипатиных, был в своем роде печальной достопримечательностью Киева – вздыбившийся над Мариинским парком, похожий на крепость, он стал первой уродливой новостройкой, «одороблом», навсегда испоганившим легендарный живописный вид

правого берега Киева, раззолоченный лаврскими куполами.

Холл дома-монстра, обшитый темным деревом, украшенный большим окном с витражом, изображавшим Мариинский парк и дворец, напоминал дорогую гостиницу... но это вряд ли могло примирить Киевиц с проклятой крепостью.

Воспользовавшись адресом, выданным им прокурорской ведьмой, Маша и Даша поднялись на 21-й этаж.

– Конечно, все может быть, – убежденно сказала Маша, как только излишне картинная горничная в черном платье и белом фартуке с бантом на попе пошла докладывать вдове убитого бизнесмена, что к ней пришли Мария Ковалева и Дарья Чуб. – И желание прятать лицо необычно для обычного человека. Но все же пока понятно только одно: когда я пришла во Владимирский, Город не случайно дал мне это знание, и ты, Даша, не случайно купила газету, и Катя не случайно пошла на аукцион...

– И спасибо, что ты пошла со мной, – подвела черту Чуб. – Сама знаешь, у меня с Кругом Киевицы не очень. И во-о-ще ты классное заклятие нарыла!

– Называется «любосреча», – сказала Ковалева. – «Среча» – это встреча. После прочтения у человека появляется иллюзия, что он тебя точно знает, но не может вспомнить. Однако знакомство это приятное, нужное или интригующее – в общем, важное. Тут главное – не мешать. Через несколько секунд после встречи вдова сама нас «вспомнит». Сейчас к ней наверняка приходит много людей...

– Ну, не знаю, – Чуб оглядела огромный и тихий холл квартиры. Изобилия гостей тут не наблюдалось. – И вообще, ты прости, что я замутила все в твой день рождения. У меня, если честно, для тебя и подарка-то нет.

– Зато у всех у нас есть души усопших, о которых мы беспокоимся, – сразу нашла хорошее в дурном Ковалева. – Лучше перестраховаться. Очертим Кругом вдову и жениха и забудем о них, – похоже, как и Дображанская, Маша не слишком уверовала в версию о некроманте Ирине.

– Проходите, Ада Антоновна ждет вас, – объявилась черно-белая горничная.

Девушка обернулась, приглашая их за собой.

Вслед за бантом на переднике Киевицы прошли по коридору в гостиную со светлыми стенами. Обширная светлая комната с огромным окном утопала в зелени экзотических комнатных растений, потому сидевшая на светлом диване светловолосая дама в длинном закрытом глухом черном платье выглядела странно – неприятным и тревожным пятном. Ей было под пятьдесят, но лицо ее, безлико-красивое, застывшие-холеное, замерло на тридцати пяти – замерло в неестественной позе, слишком искусственной, чтобы обмануть хоть кого-то.

– Маша... Маша Ковалева, – ненадолго замялась Ада Антоновна. – Ну конечно. Ты же дочь Светы! А ты, – посмотрела она на Дашу, – ее подруга. Мы виделись, когда я приезжала к вам в Харьков. Простите, я не сразу... Совсем не со-

ображаю из-за всего... Спасибо, что вы приехали. Похороны завтра. Вы где остановились?

– Нам есть где жить, – увернулась от дополнительной лжи Ковалева. – Скажите лучше, как вы? Вы держитесь?

– Не знаю... не знаю... – затрясла беловолосой головой Ада Антоновна. – Твоя мама знает, я ей тогда все рассказывала. Я ведь ему сразу сказала: брать ребенка из детдома опасно, мало ли кто ее родители – алкоголики, психи, бомжи, кто угодно... Но он... Он так деток хотел... раз своих Бог не дал... Я ж понимала, он из-за этого мог меня бросить, мог другую найти. Потому, когда он решил взять ребенка, я не хотела, но не возражала... а вышло вот как... как я и говорила ему. Я ему всегда говорила: слишком ты ее балуешь, пора затянуть удила, показать, кто в доме хозяин. А он ей все-все прощал... Его доброта его же и погубила.

Ада Антоновна поднесла ко рту пластиковую электронную сигарету, слишком жадно затянулась и выпустила ароматный ментоловый дым.

– Она была папина дочка, – с положенным вздохом произнесла Маша, незаметно пиная Дашу ногой.

– Не знаю я, чья она дочка была! – неожиданно резко сказала Ада Антоновна, и Киевицы не могли не отметить верность сего замечания. Если темноволосая девушка с застывшим взглядом взаправду была некромантом, брать ее в семью, несомненно, было опасно. – Ее в детдом тот подбросили. Кто ее родители, никому не известно. А Сеня, мой Се-

ня... Как он любил ее... Вы же Иру не знали. Я в Харьков без нее приезжала тогда. Эта девка меня и за мать не считала! Пока маленькая была – еще ничего... А с тринадцати лет как с цепи сорвалась... И вот... доигралась!

Ада со стуком отложила искусственную сигарету, встала, подошла к белому комоду, заставленному множеством дорогих и почти вопиюще уродливых вещей – огромная фарфоровая кошка, украшенная золотом и стразами; часы-новодел под старину в виде полуголой богини; вставший на дыбы единорог с раззолоченной гривой... проходя порой мимо витрин магазинов, Маша изумлялась, кто может покупать такое убожество – и вот неожиданно получила ответ.

– Я читала в газете – она пишет вам сообщения, – сказала «дочь Светы».

– Писала... Больше не пишет. И телефон свой выбросила. Правильно сделала. Иначе бы ее сразу нашли. Сейчас это просто.

– Так она не откликается больше?

– Нет. К счастью. Пусть лучше исчезнет. Зачем этот суд? Сеню все равно не вернуть. А грязи выльется столько. И так не знаю, как от нее отмыться теперь... от этой грязи, от крови... Сеня всех тогда на ее день рожденья позвал. А потом я их всех должна была обзвонить. Представляете, что я при этом прочувствовала? Обзванивать, стоя над Сениным трупом, и говорить: «Не приходите к нам. Ира Сеню убила». Теперь они к нам уже никогда не придут. Половина друзей не

звонит. Все в шоке, наверное... Надеюсь, они хоть на похороны...

– Ах, какой у вас вид отсюда красивый! – пока Ада Антоновна говорила, «пнутая» Даша успела встать, пройтись по комнате, выбирая подходящую точку, и подойти к окну – оттуда открывался воистину умопомрачительный вид на рыжеволосые кудри деревьев Мариинского парка, на замерший серый октябрьский Днепр и левобережную киевскую даль.

Вид с другой стороны, с Левого берега теперь, увы, был иным. Двадцатиэтажная Крепость победила незыблемую красоту правобережья, где до нее по умолчанию царили лишь золотые кресты и меч родины-матери.

И Даша подумала: не проклятьем ли этого ненавистного дома объясняются беды этой семьи? Если каждый день сотни сотен киевлян клянут про себя каменного уродца, рано или поздно крепость все равно не устоит, взорвется или рухнет, провалится в тартарары – проклятия, они имеют склонность сбываться... и лично она не рискнула бы снимать тут квартиру. В таком доме все равно удачи не будет.

Но вслух она сказала другое:

– Землепотрясный вид... никогда не видала такой красоты!

Вдова бизнесмена повернула голову к окну. Пользуясь моментом, Маша быстро нарисовала указательным пальцем над ее головой защитный Круг Киевиц. Хотя, если Ирина была некромантом, коллекционирующим любящие души, ее

названной матери ничего не угрожало – она не любила свою приемную дочь.

– Красивый вид. Да... И она, Ира, тоже так говорила, – сказала Ада. – Единственное, что в ней нормального было – любила этот вид из окна. И аллею к Зеленому театру любила. А в остальном... Звереныш зверенышем. Психопатка. Либо огрызается, либо молчит в ответ на вопрос, либо ходит по дому пьяная. Знали бы вы, как я ее свадьбы ждала. Думала: наконец-то избавимся, пусть теперь Егор с нею мается. Он – мужчина сильный, волевой, он бы с ней справился. Он все-рез о политике думал.

– Он любил ее? – спросила Маша.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.